

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**Самаркандский государственный университет
им. Алишера Навои**

Филологический факультет

Кафедра мировой литературы

Образ Искандера в мировой литературе

выпускная квалификационная работа

студентки IV курса Черновой Татьяны

Научный руководитель – преп. Б.Н. Зикириллаев

САМАРКАНД – 2014

Введение

До появления Наполеона Александр Македонский был, пожалуй, единственным символом самого могущественного человека в мировой истории. В эллинской и римской культуре великий завоеватель воспринимался как сакральная фигура и символ власти, ему посвящено большое количество литературных произведений и мифов.

Выбор темы продиктован стремлением рассмотреть традицию образа Александра Македонского и выявить те изменения, которые последовали в результате эволюции личности великого полководца на примере произведений писателей мировой литературы.

За короткую жизнь Александр достиг небывалого могущества. Многие ненавидели деспотичного правителя, немногие оплакивали его раннюю смерть и почти никто не понимал легендарного полководца. Образ Александра Македонского издревле поражал воображение всех народов, до которых в той или иной форме доходили слухи о его необычайных походах.

Литературные произведения, посвящённые этому полководцу, сложились и на Востоке, и на Западе в своеобразный жанр «Александрий» (роман об Александре), продолжавший возникать даже еще и в XV111 в. На Востоке эта тема получила несколько иную окраску, чем на Западе. Если в Иране романы об Александре клались в русло рыцарского романа, то Восток обратил внимание на связь Александра с Аристотелем.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что в современной литературе очень часто встречаются произведения, в которых в большей или меньшей степени затрагивается образ знаменитого полководца и завоевателя Александра Македонского. Образ могущественного правителя достаточно традиционен в литературе народов Европы и Азии. В эпоху Средневековья образ Александра, широко известный в культуре народов Евразии был мифологизирован и ассимилирован христианской и мусуль-

манской традициями. От византийских книжников, начиная с XI–XII вв., сведения об Александре распространились на Руси. И по сей день, этот образ лишен однозначности и предполагает множественность трактовок.

Степень изученности темы. К образу Александра Македонского обращались достаточно большое количество писателей. Например такие как: Бертельс Е., Гафуров Б., Ильясов Я., Афлатуни С., Устименко А., Ботвинник М., Ян В., Фор П., Рено М. Шахермайер Ф. Каждый из этих авторов раскрывал этот образ по – своему, каждый пытался установить свою гипотезу. Было написано немало трудов, произведений и статей, в которых исследовался этот образ. Однако, следует сказать, что эта тема является до сих пор не законченной, до конца не изученной и требующей дальнейшего рассмотрения и исследования.

Новизна выпускной квалификационной работы состоит в том, что образ Александра Македонского (Искандера) еще недостаточно разработан критикой и требует дальнейшего объективного рассмотрения.

Объектом исследования являются художественные произведения мировой литературы, в которых затрагивается образ Александра Македонского (Искандера).

Предметом исследования является изображение художественного образа Александра Македонского в творчестве таких писателей, как Плутарх, Хамза ибн-Хасан ал-Исфахани, Фирдоуси, Низами, Джами, Навои, В.Ян, Я.Ильясов, А.Устименко, С.Афлатуни.

Методологической базой для работы послужили исследования Бертельса Е. Э., который в своем труде «Роман об Александре» прослеживает становление и эволюцию образа Александра Македонского.

Используются также **методы исследования**, такие как: **описательный метод** и **сравнительно – сопоставительный**.

Цель исследования – выявить многообразие и меру объективности в изображении образа Александра Македонского в произведениях мировой

литературы.

Задачи:

1. Рассмотреть особенность изображения образа в произведениях различных авторов.
2. Исследовать своеобразие авторских интерпретаций рассматриваемого образа.
3. Сопоставить взгляды писателей мировой литературы связанные с историческими событиями из жизни Александра Македонского.
4. Раскрыть национально – историческую проблематику в новых аспектах обусловленных новыми стадиями в развитии общества.
5. Выявить принципы гиперболического изображения образа Александра Македонского в мировой литературе.

Структура выпускной квалификационной работы включает в себя введение, две главы, заключение и список использованной литературы.

Во введении раскрывается актуальность, новизна, определяется степень изученности данной темы, цель и методы исследования.

Глава I. «Генеалогия образа Александра Македонского в мировой литературе». В этой главе представлена общая характеристика образа Александра Македонского, его становление и дальнейшая эволюция. Подчеркивается, что Александр Македонский был прирождённым полководцем, сильным военачальником. Он был великолепным, блестящим, одним из самых гениальных полководцев за всю историю человечества. Он чётко знал грань, где надо рисковать, где надо поступать решительно, где надо уметь сохранять силы. Александр чаще всего совершал какие-то совершенно безумные поступки, он совершал те действия, которые противник от него не ожидал. Исследуется восприятие и развитие этого образа египетской, арабской и тюркской литературами. Приводятся гипотезы и точки зрения, связанные с дальнейшей судьбой этого образа, а также его возвеличивание мыслителями Востока. Народам Востока не была ясна истинная сущность походов Александра. Они не придавали значения тому, что

Александр раздавил греческие республики, превратил граждан в подданных, вместо относительной свободы установил тиранию; что походы его повлекли за собой разграбление стран Востока и уничтожение громадного количества культурных ценностей. Такие действия для восточного тирана были обычны.

Рассматриваются различные версии легенды об Александре, описываются его походы, военная закалка, мощь его войска. Александру поклонялся Иерусалим. Он приходил в Сирию и Египет, и в Мекку – как османский султан Селим Явуз Грозный. В поэмах Низами и Навои он воевал с Европой, завоёвывал франкские края и ходил в дальние морские походы, как Сулейман Великолепный. Уже более двух тысячелетий идут споры о жизни и свершениях этого человека, прожившего на свете недолгую, но необычайно яркую жизнь.

Он оставил неизгладимый след в истории человечества. В этой главе также идет речь о том, что восточные романы об Александре приобретают исключительно большое значение. Это не только художественные произведения, — это свод политической мудрости той эпохи, в которую соответствующее произведение сложилось. Изучение их необходимо не только с историко-литературной точки зрения. Поэты и писатели Востока дают каждый свою версию легенды об Александре, выявляются сходства и различия этих версий. Таким образом, можно думать, что в истории народов мира облик Александра двоился: с одной стороны, он — еретик и исчадие ада, с другой, по представлениям дворцовой хроники, — законный властелин, который, хотя и совершил много алых деяний, но имел право на власть. Каждый из писателей в своем произведении раскрыл свою точку зрения и по — своему подошел к описанию образа Александра Македонского.

Глава II. «Эволюция образа Искандера в русской литературе». В этой главе рассматриваются произведения современных русскоязычных

авторов, в которых присутствует образ Александра Македонского, выявляются сходства и различия в описании этой личности. Жизнь и деятельность Александра Македонского привлекала многих знаменитых поэтов и прозаиков. Этот великий полководец окутывал всех своей таинственностью и всемирной значимостью. Большинство писателей старались разгадать ту загадку и тайну, которую несёт в себе личность этого полководца. Современный писатель Алексей Устименко обращается к образу Александра и пишет произведение под названием «Сказание о Рохшанак», замечательный прозаик Сухбат Афлатуни создает эпос «Александр и Ровшанак», русский советский писатель Василий Ян пишет свое произведение «Огни на курганах», а жизнь и походы Македонского отразились в романе Явдата Ильясова «Согдиана».

Известный русскоязычный писатель Ильясов выбрал для раскрытия образа Александра жанр классического исторического романа. Хотя, по заглавию романа «Согдиана» не сразу можно определить, что в нём говорится о великом завоевателе. Но уже при чтении этого произведения, становится ясно, что речь пойдёт о знаменитом полководце Александре. Алексей Устименко написал «Сказание о Рохшанак», тем самым подчеркивая фольклорное начало в своем произведении. Уже в названии кроются восточные мотивы, автор называет прекрасную Роксану - Рохшанак и надеяется её очень отважными храбрыми качествами. Василий Ян пишет произведение «Огни на курганах», Александр Македонский является главным отрицательным персонажем данной повести. Писатель показал все недостатки его характера — гордость, высокомерие, жестокость. Автор отказал Александру даже в смелости (в единственной сцене сражения полководец проявил себя самым худшим образом).

Что касается Сухбата Афлатуни, то его произведение написано в жанре лирического эпоса с элементами драматургии. В самом начале своего творения автор даёт перечисление и краткую характеристику дейст-

вующих лиц. В отличие от А.Устименко и С.Афлатуни, Явдат Ильясов в своём романе красочно и очень ярко описывает одеяние Великого Искандера.

Эти писатели, в своих произведениях, затронули жизнь и личность Македонского, чтобы показать всю значимость и величие знаменитого полководца. Описание Александра Македонского у вышеперечисленных авторов также имеет отличительные черты. Но важно то, что, ни один автор не забыл указать в своих произведениях, каким амбициозным и непобедимым был Александр, какими необычными качествами он обладал и как он шёл к победе через боль и препятствия. Таким образом, следует отметить, что каждый из авторов увидел и передал неповторимые приметы, присущие этой яркой личности и обнаружили обостренный интерес к историческому герою.

- У А. Устименко изображает Искандера человеком, который во все время своих походов проводил политику, последовательно и реально воплощаемую по объединению разных народов в державное их единство.
- У Афлатуни Искандер великий завоеватель и мудрец, но он чувствует большую скуку, часто говорит о смерти и никак не может найти себе места и занятия.
- Искандер в изображении Фирдоуси не представляет собой какого-то исключительного явления. Он — не идеал справедливости и не злой тиран, он — просто один из многих властелинов Ирана.

В заключении подводятся итоги исследования, формируются окончательные выводы по рассматриваемой теме, указываются общие сходства образа Искандера у всех перечисленных авторов. Дается завершающая оценка личности великого полководца Александра Македонского.

Список использованной литературы состоит из 52 наименований. Общий объем работы составляет 70 страниц.

Глава I.

«Генеалогия образа Александра Македонского в мировой литературе»

Раздел 1.1 Личность Александра в истории народов мира

Среди рассказов о великом македонском полководце, широко распространенных в исторической литературе, видное место занимает приводимое Плутархом предание, согласно которому рождение Александра сопровождалось знамением: сгорел храм Артемиды Эфесской — одно из семи чудес света, — почитаемый всем эллинским миром. Эфесские маги по этому случаю пророчествовали, что гибель храма символизировала рождение будущего завоевателя Азии.

Александр был прирожденным полководцем, сильным военачальником. Он был великолепным, блестящим, одним из самых гениальных полководцев за всю историю человечества. Он четко знал грань, где надо рисковать, где надо поступать решительно, где надо уметь сохранять силы. Александр чаще всего совершал какие-то совершенно безумные поступки, он совершал те действия, которые противник от него не ожидал. И все гениальные полководцы античности, они в чем-то все напоминают Суворова (что Ганнибал, что Александр): главное — это быстрота.

Македонский всегда опережал на шаг своего противника. Его военные решения были абсолютно непредсказуемы. И при всем притом, что он был полководец, он был лично отважен. Здесь он расходился с той практикой, которая сложилась в IV веке. Полководец — это голова, он должен руководить. Александр всегда возглавлял основной удар на противника. Из всех великих божественных побочных детей древности образ Александра Македонского наиболее доступен нашему пониманию. Он принадлежит временам историческим, а не легендарным. Даже догматические абстрагирования не скрыли от нас его лица. Его поразительная жизнь, хотя в ней и

есть некие таинственные стороны, нам довольно хорошо известна, причем в развитии. Ее превратности, на первый взгляд, уводящие в сторону, обозначили новый путь для целой цивилизации.

Народам Востока не была ясна истинная сущность походов Александра. Они не придавали значения тому, что Александр раздавил греческие республики, превратил граждан в подданных, вместо относительной свободы установил тиранию; что походы его повлекли за собой разграбление стран Востока и уничтожение громадного количества культурных ценностей. Такие действия для восточного тирана были обычны. Поэтому подлинный Александр был быстро забыт и исчез в тумана легенд и сказаний. Уже к концу правления сасанидов (VI век н. э.) сложилась традиция изображать Александра идеальным правителем. Отсутствие точных сведений о нем давало возможность придавать его образу любые черты, которые казались желательными у правителя тому или иному автору.

Это привело к созданию произведений особого типа, объединявших в себе тематику «зеркала», поучения правителю, с попытками включить в фабулу «Александрии» разнообразнейшие сведения из всех областей тогдашней науки. «Александрия» становилась своего рода энциклопедией, в увлекательной форме сообщавшей высокопоставленному читателю все знания, которыми он по своему социальному положению должен был обладать.

Кажется, что силы, жившие в нем, имели иные пределы, нежели те, что обычны для сил человеческих. Образ Александра в мировой литературе соткан из противоречий. С одной стороны, он – гениальный полководец, мужественный солдат, широко образованный человек, поклонник литературы и искусства; с другой – безмерный честолюбец, душитель греческой свободы, жестокий завоеватель, самовластный деспот, считавший себя богом. Александр представляется человеком, которого с наибольшей полнотой воплотил в себе греческий идеал хорошего прекрасного — муже-

ственного воина, овладевшего вершинами человеческой мысли. Александр сочетал в себе политика, стратега и тактика. Он пытался интегрировать подчиненные народности, как в структуру государства, так и в армию. Привлекал на свою сторону полководцев противника и обеспечивает их лояльность.

Александр воюет на самых разных театрах военных действий и против различных противников. Армия Александра Македонского сражается в лесах и горах, пустыне, степях и джунглях, против колесниц, слонов, скифских конных лучников, греческой фаланги и фракийских пельтастов, сходу преодолевает реки и вступает в бой. И отнюдь не без причин память о нем чудесным образом сохраняется в мире вот уже двадцать три века.

Песок еще не стер следы его шагов; из двадцати четырех основанных им городов многие еще стоят и носят его имя; границы, установленные его завоеваниями, зачастую сохраняются до наших дней как государственные границы, установленные его завоеваниями, зачастую сохраняются до наших дней как государственные границы. Империя Александра скреплялась его собственной динамической личностью. Он соединял в себе железную волю и гибкий ум со способностью доводить себя и своих воинов до высшего напряжения сил.

Александр знал, когда нужно отступить и пересмотреть свою политику, хотя делал это очень неохотно. У него было развитое воображение, не без романтических импульсов: личности, подобные Ахиллу, Гераклу и Дионису, часто приходили македонцу на ум, а приветствие жреца у оракула Амона определенно повлияло на его мысли и честолюбивые устремления, на весь последующий период жизни. Юность наследника македонского престола была омрачена разводом родителей. Вторичная женитьба Филиппа на другой женщине (Клеопатре) стала причиной ссоры Александра с отцом. После загадочного убийства царя Филиппа в июне 336 до н.э. 20-летний Александр был возведен на престол.

Об Александре Македонском известно одновременно много и мало. Несложно рассказать о его биографии, перечислить важнейшие и не очень сражения, вспомнить легенды и мифы, связанные с его образом. Наконец, проанализировать детские комплексы, переросшие в тиранию... Да, все это можно сделать. Но мотивы его действий, причины, толкнувшие его в беспрецедентный поход, наконец, мечты, цели и результаты - все это остается предметом догадок.

К тому же очень мало информации от его современников. То, что мы знаем - это книги, написанные на 200-300 лет позже. В основном это греческие и латинские сочинения Арриана, Плутарха, Курция Руфа, Диодора Сицилийского, Помпея Трога, Страбона и других.

Александр родился в Македонии в 356 г. до н.э. Вообще говоря, он считался, конечно, сыном царя Филиппа II, но мать Александра Олимпиада была твердо уверена, что родила сына от самого Зевса. Не то, чтобы это было такой уж редкостью: в Греции почти все великие люди родились от богов или героев, но мало кто из них при этом считал себя обязанным вести себя как Бог. Александр хотел доказать, что он - один из этих героев, не в легендах, а в реальности. Он взял крепость на севере Ирана только потому, что о ней рассказывали, что Геракл потерпел неудачу при ее осаде.

От Инда он хотел дойти до Ганга, чтобы достичь там границ освоенных людьми земель. Его войска были готовы захватить Аравийский полуостров, а вслед за ним и Карфаген, но смерть великого полководца помешала этим планам осуществиться.

Однако «страстное желание» все же помогло Александру осуществить его мечту: никогда не создал такой огромной империи. Александр быстро поддавался гневу, и тяготы долгих походов все резче обозначали эту черту его характера. Безжалостный и своенравный, он все чаще прибегал к устрашению, без колебаний уничтожая людей, вышедших у него из доверия, причем суд Александра не всегда претендовал на объективность.

Долго после его смерти сын Антипатра Кассандр не мог без содрогания пройти мимо его статуи в Дельфах. Однако Александр, несмотря на эти качества характера, пользовался любовью у солдат, в верности которых не приходилось сомневаться, без жалоб прошедших с ним долгий путь до Гифасиса и продолжавших верить в него, какие бы трудности не выпали на их долю. Единственный раз Александру не удалось настоять на своем, когда, измотанное физически и психологически, войско отказалось следовать за ним далее, в незнакомую Индию.

Александр - величайший среди известных полководцев - проявлял необычайную гибкость, как в комбинировании различных видов вооружения, так и в умении приспособить свою тактику к тем новым формам ведения войны, которые противопоставлял ему противник, будь то кочевник, горцы или Пор со своими слонами. Его стратегия была искусно подчинена богатому воображению, и он знал, как воспользоваться малейшими шансами, представляемыми в любом сражении, которые могли бы сыграть решающую роль в победе или поражении.

Александр также, победив никогда не останавливался на достигнутом и безжалостно преследовал бегущего врага. Достаточно много было сказано и написано о великом Александре Македонском, большинство авторов, русских и зарубежных, отзывались о нём, как о непобедимом и сильном полководце, который очень бесстрашно шёл на любой риск, ради своей цели. Его походы и военная закалка удивляла всех, уже с малых лет он был достойным любых похвал и восхищений. Стремление к вечной славе и победе во всём делали его самым стойким и непоколебимым. Когда Александру шел четырнадцатый год, в 343-342 годах до н.э., в Пеллу пригласили по приглашению Филиппа Аристотель, чтобы руководить образованием его сына.

Неизвестно, как смог этот выдающийся ум овладеть пылким духом юного Александра; во всяком случае, Александр сквозь всю свою жизнь

пронес горячую, страстную любовь к Гомеру. Но не только из книг получал он образование. В возрасте 16 лет он в отсутствие Филиппа правил в Македонии и подавил восстание горных племен на северной границе.

Александр не был единственным претендентом на пустующий престол, но, получив признание и поддержку армии, он вскоре сметает со своего пути всех своих соперников. В Александре с раннего детства видели талантливое ребѣнка.

Благодаря этому он очень рано был признан наследником дела отца, а Олимпиада стала самой влиятельной из шести жѣн Филиппа. Впрочем, Александр мог быть единственным сыном Филиппа, достойным принять его царство. По свидетельству античных авторов, его брат Филипп был слабоумным. Других достоверно известных сыновей у Филиппа не было. Например, из скульпторов только Лисиппу позволял он творить свой лик в скульптуре, поскольку он был великолепным, блестящим, гениальным скульптором. Его окружали преданные друзья.

Александр повезло, что Аристотель обучал вместе с ним целую группу прекрасной македонской молодѣжи. Его друзья, вот настоящие друзья, среди них не было ни одного предателя за все эти годы. Это были и прекрасные полководцы, прекрасные воины и, самое главное, преданные Александр до последней капли крови. Несколько раз они прикрывали его в бою от вражеского меча, от вражеской стрелы и тд. Александр Македонский привлекает к себе внимание уже многих поколений историков древности.

В книгах и статьях о нем можно найти множества концепций и гипотез по поводу этого образа. В стихах, притчах и легендах Средней Азии всегда сохранялась память о великом правителе Александре-Искандере, к имени которого добавляли прозвище «Двурогий» - «зулкарнайн» по-арабски, по-узбекски «икки шохлик». Зуль – Карнайн в переводе с арабского означает «обладающий двумя рогами». Некоторые называют «рога

ми солнца» восток и запад. Многие средневековые и современные арабские учёные отождествляют Зуль – Карнайна с Александром Македонским, который постоянно изображается с рогами на античных монетах. Уже более двух тысячелетий идут споры о жизни и свершениях этого человека, прожившего на свете недолгую, но необычайно яркую жизнь.

Он оставил неизгладимый след в истории человечества. образом, восточные романы об Александре приобретают для нас исключительно большое значение. Это не только художественные произведения, — это свод политической мудрости той эпохи, в которую соответствующее произведение сложилось. Изучение их необходимо не только с историко-литературной точки зрения. Они очень много дают историку.

Нужно только помнить, что во всех этих произведениях мы увидим не восхваление историческою Александра, а ряд своеобразных идеальных портретов, создатели которых зачастую о подлинном Александре не знали ничего. Для истории Македонии все эти романы не дают ничего — в них только чаяния соответствующих восточных стран. В восточных «Александриях» написано немало.

Но европейские исследователи обычно лишь стремились установить, какие элементы греческого предания сохранились на Востоке и, какую форму они там приняли. Какой была концепция восточных авторов, как образ Искандера менялся в веках,— все это ориенталистов интересовало мало. Довольствуясь отдельными чертами, выхваченными из целого, они тем самым не имели возможности сделать интересные для истории культуры наблюдения. В истории романа об Александре надлежит различать два основных течения. Одно — реальная биография македонского завоевателя, которую составили вскоре после его смерти его приближенные Клитархи Онесикрит. Эти материалы в дальнейшем легли и основание биографии, написанной Плутархом. Второе течение — легенда, мало считавшаяся с историческими фактами и стремившаяся к нагромождению фанта-

стического элемента. Очень вероятно, что первыми создателями таких легенд были воины Александра, распространявшие среди народов, с которыми им приходилось встречаться, различные слухи о своем повелителе.

Но не менее важно и, то обстоятельство, что деятельность Александра нанесла тяжкий удар ряду носителей власти на Востоке, особенно правителям Египта и Ирана. В обеих этих странах власть обосновывалась теократическими теориями: носитель власти был вместе с тем и носителем божественной благодати, переходившей по наследству. Утрата им власти подрывала эти теории, основным хранителем которых было духовенство, следовательно, угрожала и его авторитету.

Необходимо было как-то защищать свои права, а потому не удивительно, что именно на Востоке начали складываться первые версии своеобразного романа, менявшего весь облик исторического Александра. Зародился он уже около I в. я. по особенно пополнился в первых десятилетиях IV в., когда императоры Кара калла и Александр Север ввели официальный культ Александра. Роман был приписан врачу македонского царю Каллисфену и долгое время распространялся под его именем.

Однако европейской наукой было установлено, что Каллисфен никакого отношения к созданию этого романа не имел, почему роман теперь и называется обычно «Псевдо – Каллисфеном». Основная тенденция романа указывает на египетское его происхождение. Согласно роману, Александр — сын не македонца Филиппа, а египетского жреца Нектанеба, который, бежал из Египта, околдовал жену Филиппа Олимпию и вступил с ней в связь.

Так как Нектанеб — потомок древних царей Египта, то в жилах Александра текла кровь фараонов и, следовательно, он был не узурпатором, не иноземным завоевателем, а человеком, по праву занявшим престол своих предков. Так доказывалось, что божественная благодать покоилась и на Александре. Из всей этой концепции вытекала незыблемость теократии-

ческой теории. На греческом языке роман лег в основу многочисленных переводов на восточные языки. Был среднеперсидский перевод, до нас не дошедший, известны переводы сирийский, коптский, эфиопский и армянский. При этом нужно, однако, иметь в виду, что переводчики, по тогдашним обычаям, передавали точно только основную линию романа, а в деталях допускали разные отступления. В сирийской версии, которая, как сейчас можно с уверенностью полагать, переведена не с греческого, а со средне - персидского, фантастические имена разных народов заменены именами, более реальными и привычными для восточного читателя.

В Европе роман распространился благодаря латинскому переводу Юлия Валерия. Время составления перевода пока точно не установлено. Ранее было сказано, какой большой интерес представлял этот роман для средневековья, любившего повествования о походах в дальние страны. Поэтому латинский текст подвергся ряду переработок. В XII в. возникли две французские версии - Ламберта Турского и Александра из Бернэ.

Немецкими стихами около этого же времени изложил роман монах Ламирехт. Французские версии легли в основу английских переработок. Так к XV в. роман проник в такие области, о которых сам Александр даже ничего не слышал. В XVII в., в связи с интересом к античности, тематика эта опять было воскресла в Европе, но, соответственно требованиям эпохи, на этот раз внимание привлекла подлинная биография героя, а не описания дальних и чудесных стран.

Появление Александра в Иране надолго оставило след в жизни этой страны. Результатом его появления было то, что династия ахеменидов прекратилась, дворец «царя царей» в Истахре, своей сказочной роскошью слагавшийся по всему Востоку, погиб в пламени пожара. Сгорел он не случайно. Александр приказал уничтожить его, чтобы тем самым подчеркнуть окончательную гибель мощи и славы иранских царей. В ахеменидском Иране духовенство играло очень большую роль. Можно думать, что

оно активно высыпало против завоевателей. Поэтому удары Александра направились и против него. Священные книги зороастризма систематически уничтожались, храмы огня предавались разрушению, многие сотни духовных лиц погибли, пытаясь защитить свои святыни. Отсюда понятно, что зороастрийские круги преисполнились жгучей фанатической ненавистью к Александру и много веков спустя говорили о нем как о злейшем враге человечества и своего рода исчадь ада.

В одном из любопытнейших литературных памятников сасанидского Ирана, в «Книге АртакВираза» об Александре говорится так: «И после этого нечестный злодей Ариман, стремясь поколебать эту веру, подстрекнул нечестивца Искандера Румского, обитавшего в Египте, пойти на Ираншахр с тяжким притеснением, войной и разгромом. Это адское создание, злосчастный еретик, нечестивый злодей Искандер Румский, обитавший в Египте, пришел и сжег все священные книги. И убил он многих де-стуров и датваров, и эрпатов и мобедов, и хранителей веры и вельмож, и мудрецом Ираншахра.

Среди вождей и домохозяев Ираншахра посеял он злобу и вражду одного к другому, а сам погиб и низринулся в ад». Даже после падения сасанидов и установления халифата те из мусульманских авторов, которые были связаны с иранской аристократией и выражали в своих книгах идеологию антиарабского движения, так называемой «шуубий», сохраняют резко отрицательную оценку Александра, очевидно, под давлением сасанидской традиции. Историк V в, Хамза ибн-Хасан ал-Исфахани в своих «Анналах» об Александре говорит так: «и в тех преданиях, которые породили сказители, говорится, что он построил в иранской земле двенадцать городов и назвал их все Искандерией. Но нет у этого предания почвы, ибо он был разрушителем, не был он созидателем».

Но высшие круги иранской аристократии не могли довольствоваться одним голым отрицанием всех заслуг Александра. Их политические воз-

зрения были построены на своеобразной теории «фарра» (божественной благодати). Занимать иранский престол, по их мнению, могло только лицо, осененное этой благодатью, причем передавалась она по наследству. Захват иранского престола иноземцем Александром практически доказывал всю несостоятельность этой теории и подрывал престиж власти, как царей, так и духовенства. Нужно было найти путь для включения Александра в число носителей фарра и тем доказать незыблемость теории. Путь к этому указал «Псевдо-Каллисфен».

В этом романе, как сказано, Александр был изображен как потомок египетских царей. Среди арабских версий легенды особый интерес представляет рассказ Динавари, в его хронике «ал - Ахбарат - тивал», Динавари имел тесную связь с шуубитскими кругами и был прекрасно знаком со всей их литературной продукцией. В своей истории он уделял главное внимание всему тому, что могло представлять интерес для иранцев.

Говоря о происхождении Александра, он подчеркивает, что сообщает этот рассказ так, как «полагают иранцы», т. е. в соответствии с сасанидской традицией. По его рассказу, Филипп Македонский, будучи побежден во время столкновения с Дара, сыном Бахмана, т. е. Дарием II, был вынужден платить ему дань (золотое яйцо) и выдать за него замуж свою дочь. Дарий провел с ней брачную ночь, но по причине ее физического недостатка возымел к ней сильное отвращение и повелел отправить ее обратно к отцу. Она успела зачать и по возвращении на родину родила сына. Это и был Александр. Желая скрыть позор, его выдавали за сына Филиппа, но на самом деле он сын Дария II, т. е. старший брат Дария II, рожденного позднее от другой матери. Следовательно, Александр — законный наследник иранского престола. Как старший сын Дария он должен был обладать фарром и только потому и мог добиться власти над Ираном. Вся эта концепция совершенно ясно выдает свое происхождение. Теоретики зороастризма при помощи этой сказки доказали правильность своих построений и

добились возможности утверждать, что на всем протяжении истории Ирана от первого человека Гайомарта и до Хосрова II Ираном правили только носители фарра.

Таким образом, можно думать, что в сасанидскую эпоху облик Александра двоился: с одной стороны, он — еретик и исчадь ада, с другой, по представлениям дворцовой хроники, — законный властелин, который, хотя и совершил много алых деяний, но имел право на власть.

1.2 Образ Александра в египетской, арабской и тюркских литературах

В свете творчества великих поэтов Востока Фирдоуси, Низами, Навои очень интересно было бы выстроить восточную хронологию мировых событий, чтобы сравнить её с традиционной и новой хронологией. Однако восточная хронология мировых событий уже создана, причем, задолго до создания европейской хронологии Скалигера-Кальвизия-Петавиуса. Автор восточной хронологии – Бируни. Его книга называется «Памятники минувших поколений» и написана она на рубеже первого и второго тысячелетий нашей эры.

Первое, что бросается в глаза при чтении книги Бируни – это то, что он не упоминает среди эр мировой истории, принятых у разных народов, эру от основания города (Рима), Эру счёта лет по греческим Олимпиадам и современную нам Эру от Рождества Христова. Отдельный раздел книги Бируни посвящён Александру Македонскому. Он называется «Слово о разногласиях народов о том, кто такой царь, которого называют Зуль-Карнейном». «...Говорят, что приведённые в Коране рассказы о Зуль-Карнейне известны и ясны всякому, кто читал стихи Корана, посвящённые повествованиям о нём. Смысл их тот, что это был человек праведный и могучий, которому Аллах дал великую власть и силу и сподобил осуществить его цели на востоке и на западе: завоевать города, покорить страны, подчинить себе рабов божьих и объединить власть над миром в одних руках.

Аллах помог Зу-ль-Карнейну вступить на севере в царство мрака и пройти его. Встать между Яджуджем и Маджуджем и остальным миром, вступить в страны, примыкающие к месту их обитания на востоке и на севере земли, отразить их набеги и отвести их зло, соорудив в ущелье, из которого они выходили, вал из кусков железа, скреплённых расплавленной медью».

Далее Бируни пишет о том, как халиф Омар ибн аль-Хаттаб услышал разговор людей, которые углубились в рассказы о Зу-ль-Карнейне, и сказал им: "Разве вам мало разговоров о людях, что вы пошли дальше и перешли к ангелам?". Ещё одной причиной знаменитого прозвища Александра Македонского мог быть коранический рассказ по сирийской легенде VI века о том, что у Александра на голове было два нароста, вроде рогов.

Бируни приводит несколько версий о происхождении Зу-ль-Карнейна, считая наиболее вероятной йеменскую. «...Только в этой стране есть имена с приставкой Зу». Хотя в книге самого Бируни есть и имена персидских царей с арабской приставкой Зу. Бируни разделяет праведного и могучего Зу-ль-Карнейна и иоянина Александра Македонского. Однако главным деянием и того и другого считается создание стены, защищающей мир от Гога и Магога. В Коране говорится: «А когда Зу-ль-Карнейн достиг до места между двумя преградами, то нашёл перед ним народ, который едва мог понимать речь. Они сказали: «О Зу-ль-Карнейн, ведь Яджудж и Маджудж распространяют нечестие по земле; не установишь ли нам для тебя подать, чтобы ты устроил между нами и ними плотину?»»

Он сказал: «То, о чем укрепил меня мой Господь, лучше; помогите же мне силой, я устрою между вами и ними преграду. Принесите мне кусков железа». А когда он сравнил между двумя склонами, сказал: «Раздуйте!» А когда он превратил его в огонь, сказал: «Принесите мне, я вылью на это расплавленный металл». И не могли они взобраться на эту преграду, и не могли её продырявить». Александру поклонялся Иерусалим. Он приходил в Сирию и Египет, и в Мекку – как османский султан Селим Явуз

Грозный. В поэмах Низами и Навои он воевал с Европой, завоёвывал франкские края и ходил в дальние морские походы, как Сулейман Великолепный.

В древней Индии издавна жили огромные муравьи, величиной с собаку, добывающие золото. Начиная от Геродота, про них писали многие авторы. Среди властителей, пытавшихся найти золотоносных муравьёв, были и Александр Великий, и Сулейман Великолепный. Но «восточный Александр» не только воевал с соседями, но и дружил с ними, ездил в гости и приглашал к себе. Его сопровождали в походах мудрецы, учёные и поэты. Возможно, он и сам был поэтом, как османский султан Селим II, долго воевавший с иранцами, считавшийся не только "пьяницей", но и поэтом, причём поэтом персидским. А великий Аристотель – Арасту вдруг появляется в средневековых европейских гравюрах как дамский угодник, то с Филидой, то с Кампаспой. Хотя Кампаспа являлась также возлюбленной великого античного художника Апеллеса.

Арабские халифы называли «восточного Александра» святым пророком или Ангелом. Так у Бируни. В традиционной истории династия Ангелов царствовала в Руме спустя век после Македонской династии, императоры которой считали себя преемниками Александра Великого и царей Вавилона. Поэты Востока называли его пророком, как и Магомета. В Вавилоне – Багдаде и далее в Иране его называли шахиншахом, как и его предшественников, иранских царей, как называли там и другого румийца, Ису – Иисуса.

Видимо, период владычества Александра в Греции - Византии был вершиной для этой страны, потому византийские сказители и постарались приукрасить его походы и деяния. Спустя три-четыре столетия разрозненные истории о его победах оформились в античную литературу Арриана, Плутарха, Диодора, существенно отличавшуюся от арабских и иранских первоисточников. Для Бируни иранские и западные сказания об Александр-

ре были уже настолько разными, что он мог предположить, будто в них описаны разные персонажи. Впрочем, возможно, Арриан и Плутарх писали свои сочинения уже после Бируни. Тем более что сочинение Плутарха – это не научная биография. Его жизнеописание Александра подано в сравнении с другим героем античности Юлием Цезарем, которого Бируни, правда, упоминает лишь раз, ито как мифического персонажа, «который правил румами задолго до появления библейского Моисея, и к которому возводят свое происхождение евреи и все иудеи».

Сочинения Арриана – это тоже не биография Александра, а описание его персидского похода со ссылкой на современников Александра, Птолемея и Аристубула. Третий биограф Александра, Диодор Сицилийский, писавший о нём спустя два века после событий, известен как составитель хронологии Олимпийских игр, о которых тоже ничего не пишет всезнающий Бируни. Хотя восточные герои и авторы сочинений о них считаются более близкими к нашему времени, чем античные.

Несмотря на многообразие исследований, и книг о загадочном Востоке, он во многом остаётся загадкой не только для широкой публики, но и для историков. Для научных исследований в области мировой хронологии книги поэтов Востока и сочинения Бируни могут иметь большое значение. Отдельная тема – "Древняя Русь у поэтов Востока". Здесь не только переписка Александра Македонского с древнерусскими князьями и вручение им собственноручно подписанной грамоты за верную службу. Например, в поэме Низами описано сражение Александра Македонского с русскими, окончившееся примирением. Имя предводителя русских – Кинтал, в ори-

гинале у Низами звучало как Киниаз-и-Руси, что означало просто «русский князь». Или: традиционно считается, что изображения Александра Македонского на стенах древнерусских храмов старше, чем Куликовская битва. Однако распространение в Древней Руси романов об Александре приходится на XVI-XVIII века. Характерно, что восточные «Александрии» при-

шли на Русь раньше, чем «правильные» Плутарх и Арриан. Различные версии легенды об Александре дошли и до арабов. Проникали они, вероятно, самыми различными путями, через посредство сирийское, еврейское и иранское, сплетались с местными преданиями и иногда принимали такую форму, что установить их связь и греческой легендой нелегко. Для дальнейшей судьбы легенды об Александре в мусульманском мире громадное значение имело, прежде всего, проникновение ее в Коран. Правда, имени Александра Коран не знает, но, как установлено Нельдеке, упоминаемый в суре (XVIII, 82) Зу-л-Карнейн (Двурогий) — никто иной, как Александр Македонский.

Контекст этого места Корана указывает на то, что источником послужила сирийская легенда, известная нам в записи VI в. н. э. По этой легенде Александр, ведя беседу с богом, говорит ему: «Я знаю, что ты вырастил у меня на голове два рога, чтобы я смог разрушить ими царства мира». Появление упоминания о рогах крайне запутало легенду, ибо рога уже с древнейших времен являлись на Переднем Востоке символом божественной мощи. Еще Нарам – Син изображен на стене, найденной в Сузах, с двумя рогами (29, 14). Винклер полагал, что это толкование не убедительно и что в этом месте идет речь о древнем боге грозы, упоминать о котором мусульманским ученым не хотелось.

По южно-арабским традициям, упоминаемый в Коране Зу-л-Карнейн — южно-арабский правитель Тубба ал-Акран. По указанию Масуди (II, 248—249), этот титул изредка прилагался и к Али. Комментаторы Корана не очень хорошо разбирались в создавшемся смещении и искали самых различных путей для истолкования этого титула. По одним вариантам, у его носителя на голове были два мясных выроста в форме рогов, по другим, это были два локона, по третьим, этот титул должен означать, что носитель его был благородного происхождения и по отцовской и по материнской линии. Было мнение, согласно которому правитель назван так по-

тому, что за время его правления прошли два людских поколения; по другому варианту титул означает, что правитель обладал знанием наук внешних (светских) и внутренних (духовных); наконец, говорится так же, что носитель его проник и в Страны света, и в Страну мрака. Это обилие толкований показывает, что комментаторы едва ли имели особенно ясное представление и пытались иногда просто придумать какие-то объяснения.

Появление Александра в Коране не могло не оказать огромного влияния на дальнейшее изменение представлений о нем. Мусульманские ученые обратили внимание на борьбу, которую Александр вел с зороастрийским духовенством. Они пришли к вопросу о том, чем было вызвано такое свирепое отношение к зороастризму. О религии Александра у большинства ученых ясного представления не было; у некоторых авторов мы даже находим попытку, вызванную представлением о Византии, — видеть в нем христианина. Возобладало в конечном итоге мнение, что Искандер исповедовал ханифитскую веру, веру Ибрахима, строителя Ка'бы и предтечи Мухаммеда. Борьба с зороастризмом расценивается как подготовка почвы для распространения ислама, и, таким путем, Искандер получает право на включение его в ряд пророков до Мухаммеда.

В связи с этим и походы Искандера получают новое освещение. Он предпринимал их не из жадности завоеваний, а стремясь умножить свои знания. Поэтому Мубашшир Ибн-Фатик и Шахразури (о нем у Мирхонда), составляя историю греческих философов, вводят в их число. Весьма отчетливую и законченную форму история Искандера принимает у Табари. У этого автора отмечается, что род Искандера восходит к пророку Ибрахиму. Женившись на Роушанак, Искандер овладел всем Ираном. У него было в это время миллион четыреста тысяч войска восемьсот тысяч своих воинов, и от Дария он получил еще шестьсот тысяч. Искандер приказал перевести все иранские книги по различным наукам, особенно по астрономии и философии, на сирийский язык, с сирийского на греческий, и отослал их в

Рум. С иранцами он расправился жестоко. Он разрушил их города, замки и капища огня. Зороастрийское духовенство было предано казни, священные книги сожжены, погибла в огне и вся канцелярия иранских царей. Затем Искандер совершает поход на Индию, в восточные страны, Китай, покоряет Тибет. Около северного полюса, сопровождаемый четырьмя тысячами человек, он входит в Страну вечного мрака. Восемнадцать дней ищет он источник живой воды, но, не найдя его, вынужден повернуть в обратный путь.

Он направляется в Александрию, но по дороге, в Шахразуре, его постигает смерть. Искандер умер тридцати шести лет. Тело его перевезли к его матери в Александрию в золотом гробу. Искандер построил двенадцать городов, которые все назывались Александрия. Сын его от Роушанак — Искандерус отказался от престола отца и сделался отшельником. Биография Искандера приняла у Табари уже вполне законченную форму, все основные ее элементы в дальнейшем сохраняются почти неизменно.

Поэтому можно не останавливаться на более поздних арабских источниках и перейти к рассмотрению тех форм, которые сказание приобрело в персидской литературе. Чтобы не слишком увеличивать объем работы, мы будем подробно излагать только те новые черты, которые дают позднейшие авторы, не останавливаясь на посторонних. На персидском языке в X в. легенду об Искандере налагают два памятника; прозаический и стихотворный, а именно хроника Балами и «Шах-намэ» Фирдоуси.

Поскольку первое из них возникло несколько ранее, стоит остановиться сначала на нём. Абу Алл Мухаммад ибн- Мухаммад Балами взялся за работу по переводу хроники Табари на персидский язык по желанию саманида Мансур ибн -Нуха и закончил этот труд в 963 г. Балами не стремился к точности перевода; он сам говорит, что «нашел книгу известий о персидских царях и внесет в нее некоторые дополнения». К сожалению, пока не существует критических изданий хроники Балами, и установить,

где эти дополнения внесены позднейшими переписчиками, пока очень трудно. Поэтому к материалам Балами надо относиться осторожно, но не учитывать их, однако, нельзя (29,19). У этого автора, героический характер Искандера сильно поблек. Даже во время беседы с умирающим Дарием он говорит ложь. После смерти Дария начинается расправа Искандера с иранцами. Он разрушает города, казнит вельмож, сжигает дворец Дария.

Назначив областных правителей, он идет в Балх, отправив предварительно дочь Дария в Грецию. Он строит Герат, Мерв и Самарканд, идет в Индию и убивает индийского царя. Проникнув в Тибет, он и там разрушает города. Оттуда Искандер идет на запад, и Магриб, и лишь здесь вводится эпизод с поисками живой воды, данный в точности по Табари. Совпадают и все детали смерти и похорон.

Таким образом, в изложении Балами отрицательное отношение к Искандеру ощущается весьма сильно, что, конечно, объясняется Пристрастием к иранской древности, столь характерным для саманидских кругов. Следом за этим изложением истории Искандера, ставшим уже, видимо, традицией, идут дополнения, почерпнутые из Корана, тафсира и хадиса,

Балами указывает, что Табари забыл упомянуть крайне важный хадис следующего содержания. Таким образом, Балами воспроизводит в сказании об Искандере основные черты рассказа Табари, немного сильнее окрашивая предание в шуубитские тона и парализуя эту окраску добавлением коранических традиции. Круг использованных материалов значительно шире у Фирдоуси. Рассказ начинается со столкновения Дария, сына Бах

мана, с Фейлакусом Бои тянутся три дня, на четвертый день войска Филиппа обращаются в бегство. Вынужденный заключить мир, Филипп соглашается платить дань — ежегодно сто полотых яиц, украшенных жемчужиной, вес каждого яйца сорок мискалий.

Дочь Филиппа отдают в жены Дарию, причем отвозит ее епископ

(сакубо). В ту же ночь царская кобыла родила жеребенка, служившего потом Искандеру боевым конем. Очень кратко говорится о воспитании Искандера. Дарий тем временем женился вторично, и у него родился сын Дарий, который был лишь намного моложе Искандера.

Таким образом, уже в экспозиции видна известная тенденция, противопоставить Дария и Искандера. Дарий никого не желает слушать, Искандер—ученик философа; Дарий — зороастриец, Искандер — христианин. Совершенно очевидно, что Фирдоуси считал Искандера византийским кесарем: тут и тесная связь с религией, и сношение Византии с Русью, о которых на Востоке слухи были.

У Фирдоуси освещение героев в значительной степени отличается от обычного освещения историков. Дарий утратил здесь отрицательные черты. От них сохранилось только его нежелание принимать советы. Искандер действует полностью в интересах Ирана, более того, он не предпринимает никаких мер против зороастризма и всячески старается подчеркнуть, что никакой вражды к Дарию не питал.

Бросается в глаза контраст с христианской окраской, которая была придана румцам в начале изложения. Если принять во внимание, что Искандер здесь введен в число потомков ахеменидов и что оба властелина изображены в сильно идеализированном облике, то можно предположить, что вся эта концепция восходит к сасанидской хронике, пытающейся изображать носителей фарра лишенными каких бы то ни было недостатков. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что убийство Дария здесь совершено без всякого участия Искандера и даже как, будто против его воли. Образ Искандера отчетливого оформления не получил. Если в истории завоевания Ирана мы еще видим носителя идеи правосудия и законности, то в дальнейшем эти черты исчезают.

Что заставляет Искандера скитаться по миру, чего он ищет,— остается неясным. Он совершает множество жестокостей, убивает и разоряет,

но, ни разу, не говорится, что его толкает на такие поступки. Заключительная часть предания, наполненная мрачными предвестиями, таинственными и страшными явлениями, как будто имеет одну цель — подчеркнуть бессилие смертного, предостеречь его от несбыточных мечтаний, заставить понять, что никакие завоевания и никакие богатства ни на минуту не отсрочат назначенный смертный час.

В общем, Искандер в изображении Фирдоуси не представляет собой какого-то исключительного явления. Он — не идеал справедливости и не злой тиран, он — просто один из многих властелинов Ирана, которому выпало на долю совершить необычайные походы. Впрочем, даже и в этом он не одинок в ряду иранских царей. Ведь и БехрамГур совершает ряд подвигов в фантастических и далеких странах Востока.

Таким образом, можно полагать, что никаких источников, использовавших образ Искандера с дидактическими целями, у Фирдоуси не было. Его собственное вмешательство в сюжет едва ли было особенно серьезным; оно ограничивалось только известным отбором, притом не всегда удачным. Возможны и некоторые небольшие дополнения. Так, крайне странно троекратное выступление Искандера в роли посла. Если в первом из этих эпизодов есть известный драматизм, то второе тем самым уже сильно ослабело, а третье становится просто лишним. Композиционно эти повторения трудно считать удачными.

В XI—XII вв. легенда об Искандере, видимо, получает в феодальных кругах широчайшее распространение. Доказательство этому — постоянные ссылки на Искандера у мастеров касыды (оды), как газневидских, так и сельджукских. В данное время еще трудно сказать, была ли причиной этому известность соответствующего раздела «Шах-намэ», или главным источником служили хроники. Таким образом, можно думать, что после Фирдоуси сказания об Искандере пользовались в известных кругах значительной популярностью. Основные моменты сказания поэты предполагают

известными своим слушателям или читателям. Намеки так сжаты, что без такого предположения поэт не мог бы рассчитывать на полное понимание. Конечно, придворные поэты XI—XII вв. отнюдь не стремились быть легкодоступными для понимания, но все, же их намеки не имели бы надлежащего политического эффекта, если бы основные элементы легенды не были известны восхваляемому носителю власти.

Можно думать, что наряду с использованием образа Искандера как одного из властителей Ирана, его образ в ранней арабской литературе служил и для иных целей. Уже в VIII в. В халифате ясно ощущалась потребность в книгах, трактующих вопросы управления, говорящих о свойствах и знаниях идеального носителя и власти. В шуубитских кругах эти вопросы приобретали совершенно особую остроту. Отсюда громадный интерес к «Калиле и Димне», отсюда сугубое внимание к обширной литературе пехлевийского андарга (назидания).

Совершенно очевидно, что у авторов этого времени мог быть выбор только двух групп источников; или греческие, или всевозможные зеркала сасанидов, как «Аин-намаг». С какими из греческих работ этого типа были знакомы в халифате, сказать пока трудно. Ненужно забывать, что политика Аристотеля и в западном мире широкого распространения не имела. Несомненно, поэтому, что все шансы на преобладание имели источники иранские, которые были под руками, близки и понятны и, наконец, вполне отвечали политическим устремлениям шуубитов. К сожалению, па обильной литературы этого жанра время пощадило лишь очень немногое. Приходится отметить также и то обстоятельство, что сохранившаяся часть тех материалов использована только в очень малой степени, и литература адаба, крайне интересная во многих отношениях, освещена наукой мало.

Произведение, содержащее интересные материалы для этой темы — известная «ат-Тибр ял-масбук фи насихат ал-мулук» (Плавленное золото о назиданиях царям) знаменитого имама Абу-Хамид Мухаммад ибн-

Мухаммад Газали, родившегося в Хорасане. Книга эта, как указывается в предисловии, была написана Газали по-персидски для султана Мухаммед ибн-Молик - шаха. Кем выполнен арабский перевод ее, неизвестно. Создание такой книги в то время весьма любопытно.

Это, по мысли, явное продолжение работ, начатых при Мелик шахе и давших и качестве результата известную «Сиасат-намэ»!» Низамалмулка. Подлинность трактата Газали в последнее время вызвала некоторые сомнения. Вполне очевидно, что к этой работе нужно относиться с известной осторожностью; некоторая переработка и дополнение ее в последующие время весьма вероятны.

Оставляя в данное время в стороне вопрос об авторстве Газали, все же можно констатировать следующие факты: 1) в эпоху «великих» сельджуков существовало какое-то произведение на персидском языке, использовавшее неизвестные нам источники об Искандере; 2) эти источники были доступны также и Туртуши; 3) источники эти содержала, по - видимому, повествование о делах Искандера, его походах и победах, но основной акцент лежал не на завоевательной деятельности македонца, а на его тесной связи с философами, прежде всего с Аристотелем. На передний план выдвигалась мудрость Искандера как образцового правителя. Иначе говоря, концепция здесь была уже совершенно иная, нежели у Табари или Фирдоуси, где Искандер все же в первую очередь— один из властелинов Ирана, прославившийся своими необычайными завоеваниями. Таким образом, к началу XII в. мы видим на Переднем Востоке формирование трех различных концепций образа Искандера: **1) завоеватель, 2) царь-философ, 3) пророк, насаждающий хянифитскую веру.** Если у историков еще сохраняется зороастрийская тенденция усматривать в нем проявление какой-то темной силы, то в кругах, развивающих две последние темы, этот мотив, естественно, совершенно исчезает.

Первую попытку сделать образ Александра центром большого поэ-

тического произведения предпринял великий азербайджанский поэт Ильяс ибн - Юсуф Низами Ганджави. Установить точно, когда Низами приступил к работе над своим последним творением, составляющим заключительную часть его поэмы «Хамса» (Пятерица) и значительно превосходящим по объему все четыре предшествовавшие части, пока невозможно. Дат ни в первой, ни во второй частях поэмы он не сообщает.

Но так как в предисловии к норной части перечисляются все четыре первые поэмы, можно думать, что предисловие это писалось, когда они все уже были закончены, т. е. не ранее окончания «Хафт Пейкар», или после 31 июля 1197 г. Низами не видел ни одной поэмы об Александре, составленной в виде отдельной книги. Следовательно, пехлевийский навод (или его арабский перевод) «Псевдо-Каллиефена ему остался неизвестным. Под новейшими историями он, конечно, понимает арабские и персидские хроники. Пехлевийские книги — скорее всего, книги, переведенные с пехлеви, т. е. арабские трактаты по адабу, может быть, переводы «Худайнамэ».

Не исключена возможность, что к этой группе источников он относит и «Шах-намэ», в знакомстве его, с которым не может быть никаких сомнений. Думать, что он пользовался оригинальной пехлевийской литературой, трудно. В эти годы, среди городского населения, к которому, несомненно, принадлежал Низами, знакомство с пехлевийской письменностью крайне маловероятно.

Что это были за христианские и еврейские книги? Этнический состав Азербайджана XI в., особенно Ганджи, был чрезвычайно пестр. Исходя из этого, можно предположить, что поэт или непосредственно, или с помощью посредников - переводчиков знакомился также и с сирийскими, армянскими и грузинскими книгами.

Таким образом, помимо чисто «мусульманских» преданий, ему открывался и второй путь к традициям античного мира. Нельзя, конечно, ут-

верждать, что представления Низами об античных авторах были четки и ясны. Его сведения о древнегреческих авторах иногда довольно сбивчивы. Предания греков у него причудливо переплетаются с циклом коранических легенд. Но все же, он знал об этом мире гораздо больше, чем ученые мусульманского Востока. Такое стремление к расширению круга источников в условиях Азербайджана того времени вполне понятно.

Если Фирдоуси ставил себе задачей дать такое жизнеописание Александра, которое могло служить интересам иранской аристократии, то Низами хочет создать книгу, которая была бы приемлема для всех народов Азербайджана. Он ясно говорит об этом, ссылаясь на предшественников.

Можно думать также, что какую-то роль при создании поэмы играли и устные предания об Искандере, несомненно, обращавшиеся в то время в Азербайджане. Такие легенды в Закавказье жизнеописание и анализ их, с учетом возможное обратного влияния: поэмы на фольклор, может быть, даст со временем интересные результаты. По вопросу о происхождении Искандера Низами знает две версии: румскую и иранскую. В Руме была праведная женщина, которая, забеременев, утратила мужа и, кроме того, по каким-то причинам рассталась с родным городом и попала на чужбину. Родовые муки схватили ее на пути.

Она разрешилась от бремени в каких-то развалинах и, в результате перенесенных мучений, тут же умерла. Царь Македонии Фейлакус во время прогулки случайно заехал в те развалины, где нашел покойницу и живого младенца. Царь взял младенца, отвез его во дворец и усыновил. Таким образом, будущий повелитель мира ведет свой род не от македонских царей, а от неизвестной нищей. Эта легенда, конечно, никак не может быть связана с сасанидскими традициями; она могла сложиться только в тех кругах, где на Искандера смотрели, как на философа, на мудрого пастыря, ставившего себе задачей обеспечить всеобщее счастье, т. е. в тех самых кругах, откуда черпали свои материалы Туртуши и Газали. Контраст: ни-

щий—царь—излюбленный прием суфийской или близкой к суфийским

кругам литературы. Также Низами в своем произведении разъясняет, Искандер получил прозвание «Двурогий» (Зу-л-Карнейн). Среди различных толкований интересно одно, которое приписано известному Абу-л-Машару: «Когда Искандер умер, в Руме было изготовлено его изображение, причем по бокам рядом с ним были изображены два ангела, имевшие лазурные с золотом рога. Когда - то изображение попало к арабам, они одного из тех ангелов приняли за самого Искандера; отсюда и возникло это прозвище.

Низами, прежде всего, уничтожает представление об Искандере как о завоевателе, гонимом алчностью. Он воюет или для защиты своей страны, или с целью освободить угнетенных, взывающих о помощи, т. е. ведет только справедливые войны. Его государственный совет — не знать и вельможи, а ученые, поставившие свои знания на службу человечеству. Следующая большая работа на тему об Искандере возникла почти сто лет спустя а притом на другом конце мусульманского мира, в далекой Индии. Автор ее — знаменитый индо - персидский поэт, обычно называемый Амиром Хосровом.

Поэма об Искандере написана этим плодовитым я талантливый автором в зрелые годы. Сравнивая эту поэму с произведением Низами, прежде всего стоит отметить, что структура, поэмы у Амира Хосрова совершенно изменена. Того четкого деления ни три части здесь уже нет, да оно было бы и не возможным, так как пророческую миссию Искандера этот поэт отрицает. Низами кое-где пользовался вставными новеллами или анекдотами, поясняющими отдельные мысли, т. е. прибегал и в пятой поэме к приему, широко использованному им в его первой поэме.

Однако в «Искандер-намэ» никакого определенного плана в использовании этих миниатюр нет. Они появляются там, где поэт считает нужным их ввести и никакой формообразующей функции не выполняют. Со-

вершенно иначе подошел к ним Амир Хосров. Если рассмотреть построение отдельных глав его поэмы, то можно убедиться, что все они построены по одному и тому же плану и состоит из следующих частей: а) вступления теоретического характера, тематически связанного с основной мыслью данного отрезка поэмы; б) небольшого рассказа, иллюстрирующего данные во вступлении теоретические положения; в) соответствующего отрезка сказания об Искандере; г) концовки с обращением к кравчому и музыканту. Такое членение создает своего рода ритм и вносит известную стройность в поэму, которая без него носила бы несколько хаотический характер, так как не содержит в самой фабуле четко выраженных разделов. С точки зрения использования Амиром Хосровом источников можно констатировать, что основной его базой была, по-видимому, поэма Низами, от которой он, создавая свою, и отталкивался.

Его основное задание — не повторять Низами, на что он указывает в предисловии. Рассматривая сам образ Искандера, следует отметить, прежде всего, наиболее характерную его черту в данной поэме — статичность. Низами показывает своего героя в движении. Он останавливается на его воспитании, которое закладывает в нем элементы последующего развития. Амир Хосров изображает Искандера человеком созревшим: мы встречаем его уже после покорения Ирана.

Ему предстояло дать фигуру «святого Искандера», показать, что он понимает под этим понятием. Мы видели, как Низами тщательно отгораживал своего героя от всякого возможного обвинения в захватнической политике и объяснял все его походы и желанием защитить угнетенных, или же необходимостью распространения ниспосланной ему мудрости. Амир Хосров, видимо, о долях походов Искандера не задумывался. Создается впечатление, что Амир Хосров предполагал обязательное знакомство своих читателей с Низами и считал, что эту информацию они, почерпнут отсюда. В результате образ Искандера четких очертаний не получает. Ут-

верждение о святости приходится брать на веру, ибо служения человечеству особо не проглядывается. Насажение истинной веры проходит одним из эпизодов, а в чем оно заключалось, остается неизвестным. Таким образом, приходится заключать, что образ Искандера у Амира Хосрова резко снизился. В сущности, говоря, его Искандер не так уж далек от более или менее талантливого феодального властителя XIII в. и не может считаться далеким и недостижимым идеалом, каким, несомненно, всегда должен был казаться Искандер в изображении Низами на мусульманском Востоке.

На новый этап вступает развитие темы об Искандере у великого гератского поэта Нураддин Абдуррахмана Джами. Друга и учителя Навои. Есть основания полагать, что поэма Джами и была закончена уже после «Садди Искандарий» (Вал Искандера) и, следовательно, влияния на Навои оказать не могла. Дело в том, что обе поэмы вышли из одного и того же круга и созданы людьми, имевшими во многих отношениях одинаковые взгляды.

Можно было бы допустить, что Навои, создавая свою «Хамсэ», не раз беседовал; на эти темы со своим учителем, хорошо знал его мнения, что эти произведения созревали почти в одно и то же время, при очень сходных условиях. Едва ли Джами утаил от своего гениального ученика свои познания. Весьма возможно, что он давал ему указания относительно необходимой литературы и тем самым вводил его в круг мыслей, которые были привычны ему самому.

Таким образом, Джами, правда, без всякого исторического обоснования делает власть Искандера выборной. Подчеркнута мысль, которую приводил и Низами, что правлении Искандера человечеству давало больше, чем ему самому. Также описывается «Книга мудрости» самого Искандера. Он говорит, что уважал Аристотеля больше, чем своего родного отца. Заявляет он также, что на Роушанак женился неохотно. Он опасался, что любовь к ней заставит его покориться ей, и помешает выполнять возло-

женную на ноге миссию. Это — ясна парафраза рассмотренных выше ответов на предложение умножить число жен (29,105). Смерть Искандера описана кратко. Следует десять надгробных речей мудрецов. Затем рассказывается о похоронах и приводится пять речей, которые мудрецы сказали в утешение матери Искандера. Она благодарит и восхваляет их. Аристотель, который помог лично навестить ее, посылает ей письмо с утешениями. Она пишет ответ. Вскоре умирает и она сама.

Джами отошел от введенной Амиром Хосровом конструкции трехчастных глав и построил свои главы по принципу: основная часть плюс поясняющая иллюстрация. Иллюстрация поясняет не обязательно главную мысль отрывка, а сплошь и рядом вызвана только желанием пояснить последний его байт. Что касается содержания, то главным образцом для Джами, конечно, послужил XII Низами.

Хотя сказание изложено целиком, но повествовательная часть сведена до такого минимума, что становится своего рода конспектом, задача которого — только напоминать основные этапы жизни Искандера. Зато «Книги мудрости», которым Низами отвел сравнительно небольшое место, разрослись необычайно. У Джами их уже семь: Платона, Сократа, Гиппократ, Пифагора, Искилиноса, Гермеса, самого Искандера.

В сущности, говоря, такими же «Книгами мудрости» является письмо матери, письмо Аристотеля, беседы в «байт-ал-хикам» Аристотеля, беседы брахманов и жителей Города свободы. Сюда же, пожалуй, можно отнести в назидательные речи после смерти Искандера. Все это, вместе взятое, приводит к тому, что самое повествование отступает на задний план. Оно становится только своего рода предлогом, для нанизывания поучительных мыслей и пестрых рассказов, почерпнутых из различных источников.

Следует подчеркнуть, что, хотя вопросы государственной мудрости и занимают в поэме значительное место, но они — отнюдь не главная тема.

Рассуждения об общих вопросах этики стоят рядом с этими мотивами в

качестве вполне равноправной темы. В результате XII, хотя и носит в заголовке имя великого завоевателя, но героический элемент, который у Низа занимал очень важное место, она совершенно отбрасывает.

В сущности, по общему тону и комплексу вопросов XII мало чем отличается от других поэм Джами, как, например, «Сил-силат аз-захаб» (Златая цепь) или «Тухфат ал-ахрар» (Дар праведникам). Джами не мог или не захотел отойти от намеченного им пути. Он все тот же учитель мудрости, отчетливо окрашенной в тона учений накшбанди; он, как он сам заметил в начале XII, не желает выступать в роли «сказочника». Если у Амира Хосрова героический тон еще звучал довольно сильно, то здесь Фирдоуси забыт окончательно, да и от Низами сохранена только диалектика.

Бросается в глаза то обстоятельство, что связь с античным миром здесь ослабела до чрезвычайности. Имена философов, которые у Низами еще в какой-то мере сил сохраняли отношение к античной традиции, здесь только призрачный покров для тех же учений чисто мусульманской философии. Едва ли можно думать, что, создания эту пойму, Джами прибегал к каким-нибудь произведениям античных авторов. Имена этих философов стоят в поэме только потому, что герой ее — Искандер и что окружить его какими-нибудь суфийскими шейхами, конечно, было бы невозможно.

Но фактически любой из этих философов мог бы надеть дервишскую хырку и вести назидательные беседы в ханаке Джами в Герате. Беседы Искандера с мудрецами, надо думать, мало чем отличаются от тех бесед, которые Джами приходилось вести со своим учеником и покровителем Навои. Разбор этой поэмы убедительно показывает, как неправильно называть назира подражанием, ибо самая сущность этого явления отнюдь, но в подражании, а в том новом, что поэт вносит в тему, причем эти изменения приводят сплошь и рядом к коренному изменению всей концепции. Едва

ли - можно было бы сомневаться в том, что сказания об Искандере должны были иметь значительное распространение и среди тюркских народов. Неоценимая сокровищница «Диван лугат-ат-турк» Махмуда Кашгари помогает и в этом вопросе и превращает предположение в полную уверенность. Ряд сообщений его показывает, что в первой половине XI в. таких преданий было немало.

Так, объясняя термин «уга», Махмуд Кашгари говорит: «Титул того, кто разумен, многолетен, опытен в делах, из вождей. По степени идет после тегина. При всей отрывочности сведения Махмуда Кашгари крайне ценны именно тем, что в тюркском происхождении их усомниться никак нельзя. Таким образом, наличие преданий об Искандере среди тюркских народов документально устанавливается. Во всех версиях легенды есть рассказ о столкновении Искандера с китайским хаканом, причем столкновение это заканчивается примирением. Стоит заметить, что во всех преданиях примирение вызвано мудрой тактикой Искандера, и нежеланием хакана начинать военные действия. В предании, сохраненном у Махмуда Кашгари, мотив иной. Искандер заключает мир потому, что потерпел поражение от тюрков и, очевидно, боится новых неудач.

Таким образом, в предании говорит гордость воинственного народа, но допускаются даже и мысли о возможности поражения. Интересно, что все эти предания связаны с различными географическими и племенными названиями и стремятся возвести их к деятельности Искандера.

При всей их случайности все же видно, что почти все главные элементы сказания тюркским народам в это время уже, несомненно, были известны; было также и стремление постройку некоторых городов приписать именно Искандеру. Крайне любопытная черта преданий состоит в том, что вкладываемые в уста Искандеру изречения приводятся на персидском языке. Очевидно, Искандер, появившийся в тюркских странах уже в роли шахан-шаха Ирана и Анерана, казался тюркам не македонцем, а иранцем. К

сожалению, фразы крайне кратки и не дают возможности уточнить датировку по языковым признакам. Весьма вероятно, что автор «Дивана» дал их уже в современной ему форме языка сельджукского периода.

При всей отрывочности сведения Махмуда Кашгари крайне ценны именно тем, что в тюркском происхождении их усомниться никак нельзя. Таким образом, наличие преданий об Искандере среди тюркских народов документально устанавливается. Таким образом, разработка темы об Искандере на узбекском языке в XIV в. еще только началась, и, насколько можно судить, ни одной книги, которая развернула бы целое повествование об этом герое, на тюркских языках Средней Азии создано не было.

В XV в. эта тема почти одновременно разворачивается в большие поэмы великим Навои и на анатолийско-турецком языке — Ахмедом Гермиани и Малой Азии. Поэма Ахмеда возникла ранее поэмы Навои, но, принимая во внимание политическую ситуацию, едва ли можно предполагать у Навои знакомство с нею. Поэтому от обстоятельного рассмотрения ее можно отказаться, заметив только, что автор ее использовал тему с дидактическими целями, вводя в поэму начатки всех знаний и сделав ее как бы своего рода энциклопедией, предназначенной для аристократических читателей.

Если говорить о таком замечательном поэте, как Навои, то он решает построить свою поэму «Хамса» на двух линиях: Искандер - деятель, Искандер- мудрец, но сплести эти две линии вместе так, чтобы речи Искандера каждый раз вытекали соответственно из его дел. Иначе говоря, поэма должна быть построена не так, как у Низами, где мудрец отделен от завоевателя. Мудрецы (фарзона), о которых говорит Навои, это — философы, окружавшие Искандера, а этот мудрец — сам Искандер. Навои хочет сказать, что как у философа, так и у самого Искандера имеется много мудрых изречений и притч, распространившихся в литературе до Навои. Наличие таких изречений и позволяет, по мнению Навои, без всякой натяжки пере-

плести действие самой поэмы с дидактической линией, для этой темы обязательной.

Поэма Навои— заключительное звено длинной цепи литературных произведений, связанных с именем Александра Македонского. Сопоставление поэмы с трудами предшественников, которое было проделали, прежде всего неопровержимо доказывает одно положение, а именно то, что «СаддиИскандарий» никак нельзя считать в какой бы то ни было мере переводом персидского оригинала.

Всё предшествовавшее наложение ясно показало, что такого оригинала нет, и не было. Более того, если бы даже попытаться наметить, к кому из своих предшественников Навои стоит ближе всего, то и тут положение было бы крайне затруднительным. У него есть точки соприкосновения с очень большим числом источников, но сказать, что он подражал Фирдоуси, Низами или Амиру Хосрову, было бы все-таки невозможно. Все толки о не оригинальности совершенно отпадают. Связи Навои с материалами отнюдь не идут далее того, что мы можем найти в любом художественном произведении, как-то связанном со старыми традициями.

Если эта поэма — перевод, то тогда и «Фауста» Гёте тоже надлежит считать «переводом». Анализ построения поэмы довольно ясно вскрывает и ее основное задание. Едва ли может быть сомнение в том, что Навои, создавая это грандиозное произведение, в первую очередь стремился дать своему читателю то, что принято называть «зерцалом», т. е. в художественной форме дать комплекс всех тех знаний, которыми надлежало, по его мнению, обладать образованному правителю. Навои осложнил свое за-

да-
ние тем, что весь этот комплекс дал не обнаженным, а на фоне сжато построенной биографии Искандера. Прделана следующая своеобразная операция, весь роман разбит на отдельные отрывки, из которых каждый должен служить иллюстрацией какого-нибудь определенного теоретического положения.

Совершенно очевидно, что задача, которую себе ставил Навои, исключительно трудна. Нужно было все громадное мастерство Навои, чтобы успешно разрешить ее, и поэтому необходимо принять, что «Садди Искандарий» — одно из крупнейших достижений этого исключительного мастера слова. Весьма характерно, что Навои в своей поэме отказывается признать в Искандере пророка, или, по крайней мере, нигде не подчеркивает его пророческую миссию. Этим он, как мы видели, резко отличается от Низами. Если Навои хотел прежде всего дать своего рода художественное «зерцало», то придавать Искандеру черты пророка ему, конечно, не было нужды. Пророк облечен сверхъестественными силами.

Можно, конечно, брать пророка за образец для подражания, по сравнению с ним, достигнуть его совершенства без особой помощи свыше, понятно, нельзя. Навои же нуждался в таком образе, приближение к которому лежит в пределах человеческих возможностей. Ему нужен был именно образцовый шах, и таким и предстает перед нами его Искандер.

Не случайно посвящение поэмы наследнику престола Султан-Хусейна. Поэт подносит ему свое творение потому, что хочет указать ему правильный путь, обеспечить своей родной стране хорошего правителя (29,179). Конечно, Искандер у Навои — человек религиозный, но религиозность его не выходит за пределы нормы того периода. Это — не дервиш, не аскет, не подвижник, это — человек добрый, заботливый, сострадательный, стремящийся к общему благу, высоко ценящий ведущую к этой цели науку, неумолимый враг всякого насилия и зла.

Это — образ прекрасный, достойный любви, идеальный, но в то же время и вполне возможный. Нельзя не подчеркнуть то исключительное значение, которое в данном случае имеет именно достижимость идеала. Здесь сказывается то огромное знание жизни, та глубокая человечность Навои, которые так для него характерны, которые невольно влекут к тому и пронизывают душу теплой привязанностью к этому мудрому и вместе с

тем столь человечному мыслителю, говорящему с читателем, как ласковый отец мог бы говорить со своим любимым сыном. Здесь огромное отличие

Навои от суровой, если не жестокой морали Низами, морали, нет слов, прекрасной, но все же почти недостижимой. Низами потрясает, Навои согревает,- утешает, наполняет сердце надеждой, и в этом его огромная сила, залог бессмертия его прекрасных поэм.

Навои перечисляет этапы в жизни Искандера: первый поход в Магриб и война с зинджами; столкновение с Дарием; завоевание страны франков; покорение Крыма и Испании. Поход в Египет, искоренение зороастризма, поход в арабские страны — Сирию, Йемен, посещение Мокки. Далее походы направляются на север: в Хорезм, Дашти-Кипчак. Описывается столкновение со славянами и русами, покорение черкесов и грузин. Затем следует ряд среднеазиатских походов.

Потом идет Движение на Восток, в Китай, Индию; столкновение с Кондом; Синд, Мекрап, Кирман, Хорасан; Постройка Герата, постройка Гея. Возвращение на родину в отдых после всех походов. Морские путешествия и исследование морского дна. Поход за живой водой. Получение пророческого сана. Этот перечень хотя и близок к Низами, но все же имеет существенные отличия. Характерно упоминание стран, о которых Низами ничего не говорит, таких, как Крым, Испания, а также упоминание черкесов и грузин. Похождения Искандера в Азербайджане окончательно отпали, но зато подчеркнуто участие его и постройке главных дейтрон культуры в XV в.— Самарканда и Герата. Иранские меры заменены тюркскими. Крайне любопытная черта поэмы — отсутствие эпизода о поисках живой воды. Почему Навои опустил эту столь характерную для данного сюжета деталь, пока сказать трудно.

Конечно, предание это было хорошо известно, и особой надобности повторении ею не было. Но чисто поэтически именно этот эпизод крайне эффектен. Можно легко себе представить, «какую изумительную картину

царства вечной ночи дал бы Навои, если бы захотел сохранить и эту часть легенды (29,180). Поэтому можно думать, что, опуская этот эпизод, Навои имел какие-то веские причины. Возможно, что некоторую роль здесь играло желание избежать фантастики. Фантастический элемент в поэме играет сравнительно небольшую роль и заключается, главным образом, в фантазии о чудесах техники, что Навои так любил и к чему охотно прибегал и в других своих поэмах. Правда, в описании чудес западных земель, сближающем Навои с Фирдоуси, поэт весьма далек от реализма.

Но, с другой стороны, показывая эти чудеса, Навои, во-первых, поддерживал старые традиции, а во-вторых, весьма вероятно, что в его время в Герате об этих неизведанных странах держались именно таких мнений и особенно поразить этим современником он не мог.

Кроме того, желание показать необычайное многообразие творений и ограниченность познания человеком природы вполне оправдывает введение этих эпизодов. До настоящего времени трудно сказать, был ли поэт знаком с таким исключительным памятником древней литературы, как «Кутадгу-билик», или нет.

Невозможного в этом знакомство нет ничего, ведь наша основная рукопись этой поэмы вышла именно из Герата. Вместе с тем, убедительных доказательств такого знакомства пока еще нет. Хотелось бы, однако, заметить, что та форма муназара, в которой Навои дает беседы Искандера с Аристотелем, очень близко подводит к основным частям «Кутадгу-билик» и что Навои здесь значительно ближе к Юсуф хасс-хаджибу, чем к Низами. И совершенно не нужно делать отсюда вывод, что Навои подражает именно знаменитой уйгурской поэме. Стоит отметить только, что здесь, возможно, действует далее традиция тех самых кругов, из которых «Кутадгу-билик» вышла.

Несколько слов об отношении поэмы к суфийской традиции. Вероятно, что здесь можно спокойно говорить опочта полном ее отсутствии. В

этом отношении она резко расходится с поэмой Джамии, целиком отражающей установки накшбанди. Если в отдельных местах и можно усмотреть

некоторый слабый налет суфийских взглядов, то в основе это все же только условная терминология.

Не нужно забывать, что многие мысли, которые иногда считаются суфийскими, в XV в. уже стали обще - мусульманскими и пошли в основной фонд так называемых «акаид». Конечно, суфизм накшбанди с его проповедью активного служения ближнему весьма далек от аскетических взглядов раннего суфизма. Но каков бы не был суфизм, а «будущий мир» (ахират) в нем, конечно, должен занимать первое место, ибо без ухода из круга дар-ифана нет и суфизма. Вот этого отречения от бренного мираобличения пустоты и суетности его мы в поэме Навои, но находим совершенно. Нужно прислушаться к основному ее тону, чтобы убедиться в ее глубокой жизнерадостности.

Характерно, что даже смерть Искандера, у Низами поданная в глубоко трагических тонах, здесь не вызывает гнетущего впечатления. Она естественна, как опадание осенней листвы. Весь круг мыслей, который возникает в этой связи у Низами, здесь остается на втором плане и не омрачает общего тона поэмы.

Задачи, которые ставил перед собой Навои, требовали прежде всего доступности этой поэмы для читателя. В самом деле, если бы, следуя увлечению своей эпохи технической изощренностью стиха, Навои перегрузил язык поэмы сложными сравнениями и метафорами, если бы он дал текст, требовавший от читателя больших усилий, заставлявший его как бы расшифровывать мысли автора, то цель—воздействовать в определенном смысле на носителя власти — не была бы достигнута. Однако в угоду доступности Навои все же не мог снизить художественного уровня своей поэмы. Снижение этого стандарта было бы рассмотрено как отсутствие художественности, поэму не стали бы читать, а тем самым и общественная

полезность ее значительно упала бы. Таким образом, поэт, сохранял полную уверенность в том, что его голос будет услышан, что его советы дойдут до читателя, в то же время не приносит никакого ущерба своей репутации выдающегося мастера стиха, ни в чем не уступающего первенства мастерам стиха персидского, а может быть, в некоторых отношениях их даже и превосходящего. Значение этой поэмы исключительно велико. Это неиссякаемый источник прекраснейшей информации обо всех сторонах жизни Средней Азии XV к. как в отношении быта, так и в отношении взглядов на общественные отношения.

Следует обратить внимание на то, что у Навои повествование и дидактика переплетены так тесно, что разорвать их крайне трудно. Допустим, что читатель пытался бы ограничиваться лишь чтением четвертых отрезков всех глав. Но он вскоре, же убедился бы, что предшествующий отрывок не может быть опущен, так как он проливает свет на мотивы действия героя. Но перед третьим отрезком снова стоит повествовательная часть, правда, уже не связанная прямо с Искандером, но яркая и увлекательная. Углубление в нее, желание понять ее во всех деталях неизбежно приводит к необходимости проштудировать и первый отрезок.

Стоит уделить особое внимание анализу художественной техники именно этой поэмы. Нужно признать, что эта сторона творчества Навои изучена пока еще очень мало. Общих замечаний, разбросанных по различным работам, недостаточно. В этом вопросе особенно нужна максимальная конкретность, каждое высказывание должно покоиться на подлинных словах поэта. Однако от осуществления этого намерения приходится пока отказываться, Во-первых, настоятельно выдвинулись на первый план иные, более актуальные вопросы, и исследование значительно переросло намечавшиеся первоначально рамки.

Во-вторых, в процессе работы стало отчетливо видно, что для детального анализа формы еще не имеется достаточно прочной базы. Так,

цепляясь одно за другое, связаны все структурные звенья. Всякий мало-мальски серьезный читатель принуждается этой конструкцией изучать по

эму во всем целом. С несерьезным же читателем поэт вряд ли стал бы считаться. Итак, самая структура поэмы не случайна. Она генетически связана с работами предшественников поэта, но вполне оригинальна и целиком вытекает из тех задач, которые поэт себе ставил и о которых он упоминает в предисловии. Глубокое исследование этого произведения достаточно убедительно подчеркнуло всю его значимость, красоту и величие. Оно является удивительным познавательным материалом для любого читателя. Интерес к нему не исчезнет никогда, его будут читать, и любить всегда.

Таким образом, из выше сказанного следует, что каждый из писателей в своем произведении раскрыл свою точку зрения и по – своему подошел к описанию образа Александра Македонского.

Глава II.

«Эволюция образа Искандера в русской литературе».

Раздел 2.1 Своеобразие образа Искандера в творчестве А. Устименко и С. Афлатуни.

Александр Македонский привлекает к себе внимание уже многих поколений историков древности. В книгах и статьях о нем можно найти и устоявшиеся концепции, освященные именами крупнейших антиковедов. Много было споров по общим и частным проблемам, далеко не всегда из-за скудности неясности источников удавалось прийти к надежным, твердо обоснованным выводам.

По - разному относятся исследователи к самому Александру: большинству свойственны восторженно-апологетические суждения, но не редкость и отрицательное отношение. Еще и в наши дни вызывают изумление его гигантская энергия, страсть, которую он вкладывал во все свои деяния, его настойчивость в преодолении, казалось бы, неодолимых трудностей, дерзость замыслов и достигнутые им поистине ошеломляющие результаты.

По природе своей Александр был очень щедр. Один македонский воин гнал мула, навьюченного царским золотом. Животное устало. Тогда македонец снял с мула ношу и понес ее сам. Царь увидел совершенно измученного человека и сказал ему: «Не трудись! Дойди уж как-нибудь до своей палатки и отнеси это себе». Вообще Александр даже больше сердился на тех, кто не брал его подарков, чем на тех, кто их просил. Фокиону он сообщил, что не будет впредь считать его другом, если он будет отвергать его милости. Серапиону, играющему с ним в мяч, он ничего не давал, по-

тому что тот ничего не просил. Однажды во время игры в мяч Серапион всё время бросал мяч другим игрокам. «Почему ты не даешь мне мяч?», - спросил царь. «Ты же не просишь», - ответил тот. Александр рассмеялся и щедро одарил его. Ни один человек не становится тем, что он есть, в одиночку, не добивается признания в пустоте. В Греции признание приходило к Александру – при его жизни – с невыносимым трудом и невозможно было тогда найти человека, которого бы так осмеивали и даже презирали, а его заслуги оспаривали бы так яростно.

Три наиболее могущественных греческих полиса – Фивы, Афины и Спарта – отказывались признать за Александром какую бы то ни было славу, всякую добродетель, любое величие. Известны слова Диогена: «Не заслоняй мне солнца», насмешки авторов комедий, изображавших его пьяницей, полный презрения отзыв Демосфена: «Этот юнец... жаждет алтарей – так пусть ему их воздвигнут! Какие пустяки! Между тем как демократическая партия в Афинах выступила против обожествления Александра, когда его уже не было в живых, спартанцам даже не достало терпения дожидаться его смерти. Они восстали против его власти еще при его жизни и увлекли за собой соседей.

Что до направленных лично против него заговоров как в Македонии, так и в Азии, они наглядно показывают враждебное отношение к Александру даже со стороны самых близких к нему людей. Александр – величайший среди известных миру полководцев – проявлял необычайную гибкость как в комбинировании различных видов вооружения, так и в умении приспособить свою тактику к тем новым формам ведения войны, которые противопоставлял ему противник, будь то кочевники, горцы или Пор со своими слонами.

Его стратегия была искусно подчинена богатому воображению, и он знал, как воспользоваться малейшими шансами, представляемыми в любом сражении, которые могли бы сыграть решающую роль в победе или

поражении. Он также, победив никогда не останавливался на достигнутом и безжалостно преследовал бегущего врага. Александр чаще всего использовал для нанесения сокрушительных ударов конницу, и делал это настолько эффективно, что ему редко приходилось прибегать к помощи своей пехоты. Недолгое царствование Александра явилось решающим моментом в истории Европы и Азии. Его поход и личный интерес к научным исследованиям во многом продвинули знания о географии и естественной истории. Его деятельность привела к перенесению великих центров европейской цивилизации на восток и к началу новой эры греческих территориальных монархий.

Она способствовала распространению эллинизма по всему Ближнему Востоку широкой колонизаторской волной и созданию – если не в политическом смысле, то, по крайней мере, в экономическом и культурном – единого мира. Справедливо будет сказать, что Римская империя, распространение христианства как мировой религии и долгие века существования Византии явились в некоторой степени плодами трудов Александра Великого. Славу Александра, саму по себе, можно в расчет не принимать. То величественное сияние, которое от него исходило, напоминает свечение жаровни – чистый эпифеномен. В данном случае, можем мы сказать, эту жаровню наполнили топливом и зажгли царь Македонии Филипп II, отец юного царя, его военачальники, инженеры, финансисты, борзописцы или льстецы, его жены и солдаты, вернувшиеся из великого похода живыми.

Мы далеки от того, чтобы отказывать Александру в мужестве, одаренности, политических и военных талантах. Однако иметь заслуги – это одно, а быть знаменитым – нечто совсем иное. Творцы, герои и святые живут и умирают в неизвестности. Среди многих прочих неясных моментов один представляется мне совершенно несомненным: при жизни Александру кадили куда меньше, чем после смерти. Он обязан славой не обширности своих завоеваний, не своему гению, не непонятно откуда снизошедшей

мистической благодати, но исключительно всем тем, кто поддерживал его культ. И главным образом сочинителям, склонившим общественное мнение в его пользу. Тем, кого в античности называли глашатаями, пророками, вестниками, панегиристами, и кто выполнял функции журналистов и средств массовой информации, предваряя составление официальных коммюнике и царских посланий, историкам или авторам хроник, тем софистам, которые были, в сущности, создателями мифов. Короткая жизнь Александра Македонского, оборвавшаяся примерно 2300 лет тому назад, вся сосредоточена в походе на Восток, разрушении Ахеменидской державы, создании на ее обломках собственного государства. Оно по замыслу должно было охватить весь известный грекам цивилизованный мир от Атлантического океана до Инда, от Дуная и Северного Причерноморья до Эфиопии.

Эта задача при тогдашнем уровне экономических связей, конечно, была совершенно нереальной. У Александра хватило сил для того, чтобы усмирить своих противников и на какое-то время подчинить себе территории, по которым он прошел огнем и мечом, но у него не было, ни сил, ни средств, чтобы сцементировать созданное им государство, сделать прочной свою власть (и своих преемников), хотя он и прилагал максимум стараний.

Погибла и династия Аргеадов. В 317 г. по приказанию Олимпиады были убиты Арридей и его жена Евридика. В 316 г. Кассандр, сын Антипатра, велел убить саму Олимпиаду, а в 311 г. – находившихся под стражей Роксану и ее сына Александра IV. Другой сын Александра, Геракл, пал жертвой Полиперхонта.

Александр основал более двадцати городов на территории от Египта до Индии, их заселили ветераны и местные жители. Эти города должны были стать не только опорными пунктами для армии, но и центрами греческой культуры. Александрия Египетская была известнейшим из них – од-

ним из центров торговли и наук античного мира. Этот и другие города, основанные Александром, стали своеобразным связующим звеном между

Востоком и Западом. Как и Наполеон через два тысячелетия после него, Александр держал при себе большой штат ученых. Таким образом, его поход стал ещё и масштабной экспедицией, целью которой было дойти до края света. Для того, чтобы проложить маршрут от Инда до Евфрата, строились целые флотилии. Ученые и философы исследовали и описывали Азию. Придворный летописец Каллисфен, внучатый племянник Аристотеля, позаботился о том, чтобы мир узнал об открытиях. Однако в конечном итоге Каллисфен впал в немилость, поскольку сопротивлялся введению персидских обычаев при дворе (а именно – традиции падать перед правителем ниц), впоследствии был казнен за предполагаемое участие в заговоре.

То же время деятельность Александра не была безрезультатной. Его поход ознаменовал собою начало нового этапа в истории стран и народов Восточного Средиземноморья – эпохи эллинизма. Это не значит, разумеется, что эллинизм явился творением Александра, результатом только его личных усилий, как это иногда пытаются изобразить, и тем более не значит, что Александр положил начало господству Европы над Азией. Эллинизм был следствием объективных внутренних процессов, имевших место в социально-экономической, политической и культурной жизни народов Греции и Ближнего Востока в предшествующий период. И сбрасывать со счета македонского царя нельзя.

Через 23 столетия после смерти Александра в Тегеране оспаривали его славу, говоря о нем исключительно как об «Александре Малом». Понятно, что персы предпочли гигантскую империю Дария раздробленным царствам завоевателя.

Это, однако, не помешало прославлению Александра от Грузии до китайского Туркестана, и от Черного моря до слияния Белого и Голубого

Нила – как Искандера Зуль-Карнайна, «Александра Двурогого», сверхчеловека и даже не человека. Из века в век ореол славы продолжал сиять в двойном кольце тьмы: с одной стороны, на него падала тень очернения, с другой – размывала легенда. За нападками противников и циников последовали хвалы поклонников, фантазии обожателей, «Роман об Александре», написанные александрийским стихом поэмы.

Все взгляды сосредоточились на царском венце, так что люди, в конце концов, позабыли, на чьей голове он красовался. История Александра и войска, с которым он составлял неразрывное целое, связана с действиями и движением балканских горцев, столкнувшихся с неслыханными климатическими условиями и непостижимыми людьми. Мы неправы, когда негодуем по поводу огромного числа зверств (сильно преувеличенных легендой), которые совершил завоеватель. Стоит отправиться на Ближний Восток, чтобы разузнать, как большинство тамошних обитателей представляет себе человеческую жизнь и ее ценность, что они думают о потустороннем мире, об истине, вере...

И возможно ли, чтобы человек, который питается исключительно мясом и молоком, мыслил и чувствовал, как вегетарианец, рыбоед или постник? Чего только не вытерпели солдаты Александра в пустынях Белуджистана! Как объяснить предшествовавший смерти запой Александра, если не столь же древним, как сам индоевропейский мир, обычаем ритуальных попок? Биография – это литературный жанр, почти ничего общего не имеющий с экономической и социальной историей, с историей техники, историографией, да и просто с историческими размышлениями.

Нельзя отрицать, что воля и пример вождей всегда брали верх над общественной организацией, что они стимулировали изобретателей, затмевали и ослепляли критический дух повествователей. Одни, особенно на Западе, называют Александра «Великим». Но были случаи, когда на Востоке его называли «Малым» или просто «Македонским». Империя Алек-

сандра скреплялась его собственной динамической личностью. Он соединял в себе железную волю и гибкий ум со способностью доводить себя и своих воинов до высшего напряжения сил. Он знал, когда нужно отступить и пересмотреть свою политику, хотя делал это очень неохотно. У него было развитое воображение, не без романтических импульсов: личности, подобные Ахиллу, Гераклу и Дионису, часто приходили ему на ум, а приветствие жреца у оракула Амона определенно повлияло на его мысли и честолюбивые устремления, на весь последующий период жизни. Он быстро поддавался гневу, и тяготы долгих походов все резче обозначали эту черту его характера. Безжалостный и своенравный, он все чаще прибегал к устрашению, без колебаний уничтожая людей, вышедших у него из доверия, причем его суд не всегда претендовал на объективность.

Однако Александр, несмотря на эти качества своего характера, пользовался любовью у солдат, в верности которых не приходилось никогда сомневаться. **Плутарх о характере Александра Великого:** «Филипп видел, что Александр от природы упрям, а когда рассердится, то не уступает никакому насилию, но зато разумным словом его легко можно склонить к принятию правильного решения; поэтому отец старался больше убеждать, чем приказывать». Произведения, посвященные Александру Великому невозможно считать идентичными, похожими, хотя речь и идет об одном человеке – завоевателе, но мысли и идеи различных авторов достаточно разные.

Великого полководца величали Зуль – Карнайном «двурогим», потому что он покорил «оба рога» вселенной – восток и запад. Рога во все времена были символом силы и господств. Но художественно-поэтическое мышление, известное еще и как “традиционное”, относит и к Солнцу. Отсюда следует понятие “рога Солнца”, которые понимаются – как поэтические образы – как восток и запад. Так с помощью образной художественно-поэтической речи известные всем “обычные рога” “переносятся на

небо” и становятся “рогами Солнца”. Формируются новые выразительные средства речи. У этой образности и метафоры есть и совершенно очевидный фактический или реалистический смысл. И связан он с восходом и заходом Солнца. Если взять Солнце “в самом восходе” и “в самом закате” и сделать это еще и при способности к воображению и созданию художественной образности, то может показаться, что Солнце всходит и заходит, “рогами”. Один свой “рог” оно показывает утром, на восходе, “другой” – вечером, на закате. Так получается метафора с великой силой! Но “рог” – это след Солнца на небе. На восходе и закате. На востоке и западе. Других следов от Солнца на небе просто нет! Потому “все рога на небе” – это лучи Солнца. Порой они расходятся во все стороны от него. А, вот, восходящее и закатывающееся Солнце – при небольшом воображении – восходит и заходит, если угодно, “рогами”.

Но продукт воображения “не остается на небе”. Он тут же перетекает в жизнь и входит в речь людей в виде ее метафорического и художественно-поэтического компонента. Так, поневоле, делается возможной игра слов «рог» и «луч» в речи, когда эти слова могут совпадать до синонимов. Выходит, что “рог” и “луч” сходятся дважды. Один раз на небе и фактически, второй – в речи и образах художественного мышления...

Жизнь и деятельность Александра Македонского привлекала многих знаменитых поэтов и прозаиков. Этот великий полководец окутывал всех своей таинственностью и всемирной значимостью. Большинство писателей старались разгадать ту загадку и тайну, которую несёт в себе личность этого полководца.

Современный писатель Алексей Устименко обращается к образу Александра и пишет произведение под названием «Сказание о Рохшанак», замечательный прозаик Сухбатафлатуни создает эпос «Александр и Ровшанак», а жизнь и походы Македонского отразились в романе Явдата Ильясова «Согдиана». Эти писатели, в своих произведениях, затронули

жизнь и личность Македонского, чтобы показать всю значимость и величие знаменитого полководца. Известный русскоязычный писатель Ильясов вы-

брал для раскрытия образа Александра жанр классического исторического романа. Хотя, по заглавию романа «Согдиана» не сразу можно определить, что в нём говорится о великом завоевателе. Но уже при чтении этого произведения, становится ясно, что речь пойдёт о знаменитом полководце Александре. Алексей Устименко написал «Сказание о Рохшанак», тем самым подчеркивая фольклорное начало в своем произведении. Уже в названии кроются восточные мотивы, автор называет прекрасную Роксану - Рохшанак и наделяет её очень отважными храбрыми качествами.

Что касается Сухбата Афлатуни, то его произведение написано в жанре лирического эпоса с элементами драматургии. В самом начале своего творения автор даёт перечисление и краткую характеристику действующих лиц. В отличие от А.Устименко и С.Афлатуни, Явдат Ильясов в своём романе красочно и очень ярко описывает одеяние Великого Искандера.

Он выглядел так: «Голову царя покрывал рогатый шлем. Грудь и спину облежала глухая кираса с изображением Медузы Горгоны. От кирасы к бедрам, а также спереди и сзади, свисала бахрома медных пластинок. Полы красного хитона не достигали колен. Руки оставались голыми до локтей, за спиной развевался короткий, но широкий плащ. О том, как любят и уважают своего, можно сказать вождя, войны очень ясно описывается в том месте, где воины кричали: « Слава Александру!! Крик этот долетел до персов и разом поднял их на ноги. Александр, сдерживал горячившегося коня, отдавал короткие приказания. Их выполняли быстро и без суеты, - командиры уже с вечера знали, что им делать.

С.Афлатуни в своём эпосе предоставляет слово Искандеру, т.е повествование ведётся от лица самого героя. Своеобразие этого произведения в том, что автор пишет его достаточно необычным и современным

языком. В «Сказании...» А. Устименко и в романе Явдата Ильясова, оба писателя ведут рассказ от своего лица и тем самым показывают всю значимость

проявления авторской позиции. Поэт и прозаик Алексей Устименко в своём «Сказании» характеризует Александра Македонского, как великого завоевателя, которому должны были подчиняться. Он считал себя сыном Бога, верил в своё божественное происхождение. В своём «Сказании» Устименко показывает, что Александр привык побеждать, он пришёл, чтобы захватить Согдийскую Скалу, но при этом завоевать любовь и доверие здешнего народа.

С. Афлатуни описывает в своём эпосе, как полководец предаётся различным думам, находится в постоянных метаниях и сомнениях и часто обращается к матери с вопросом о том, как он был зачат и Бог ли он. Молодец погладил коня, успокоил, и вдруг прыжок! - и он уже на спине Буцефала. Конь - на дыбы, но Александр удержался. Тогда Буцефал рванулся с места и стрелой умчался прочь. Филипп плачет, Олимпиада плачет, все плачут - пропал наследник. Вечером Александр возвращается, целехонек верхом на коне, и Буцефал - овечки смиренней! Сын, какого смертного способен на такой поступок? Нет сомнения, Александра охраняет рука божества.

Описание Александра Македонского также имеет отличительные черты у трех авторов. Так, у Ильясова Искандер выступает как величественный и сильный завоеватель, который привык побеждать и идти напролом ради собственной цели.

Устименко же изображает его человеком, который во все время своих походов проводил политику, последовательно и реально воплощаемую по объединению разных народов в державное их единство. Что же касается Афлатуни, то у него Искандер великий завоеватель и мудрец, но он чувствует большую скуку, часто говорит о смерти и никак не может найти се-

бе места и занятия. Но важное то, что, ни один автор не забыл указать в своих произведениях, каким амбициозным и непобедимым был Александр, какими необычными качествами он обладал и как он шёл к победе через

боль и препятствия. События царствования Александра Македонского — одна из наиболее знаменательных вех мировой истории. В течение всего лишь десятилетия была создана держава, равной которой до тех пор не знало человечество. Греко-македонские войска проникли в отдаленные области Азии, о самом существовании которых прежде не было никаких известий. Мгновенно расширились рамки античного мира, и греческая культура распространилась вплоть до Индии. Началась эпоха эллинизма — время синтеза культурных традиций Востока и Запада, когда возникает новое, космополитическое мировоззрение и подготавливается почва для появления мировой религии.

Огромный интерес в течение веков вызывал сам образ Александра — непобедимого полководца, отважного воина, мудрого правителя, прекрасного юноши, умершего в расцвете сил и славы. Судьбе было угодно, чтобы ее баловень Александр III Македонский умер молодым, остановив на скаку своих коней. Его жизнь была, пусть и короткая, но зато такая насыщенная и стремительная, словно искра света. И если говорить об этом замечательном человеке, то только многословно и выразительно, бесцветные и короткие фразы здесь будут неуместны. Ведь это был великий человек. Таким образом, следует отметить, что каждый из авторов увидел и передал неповторимые приметы, присущие этой яркой личности и обнаружили обостренный интерес к историческому герою.

Раздел 2.2 Поэтика образа Александра в произведении В. Яна «Огни на курганах»

Русский советский писатель Василий Ян пишет историческую повесть (часто называемую романом) «Огни на курганах» о сопротивлении

предков народов Средней Азии и скифов армии Александра Македонского. Написанная в конце 1920-х — начале 1930-х годов. На момент написания повести образ Александра Македонского во многом идеализировался в западных исторических и художественных произведениях как,

по словам Яна, «тип прекрасного монарха, образец добродетели, великодушия». Одной из целей книги было дать более реалистичное изображение «разрушителя, беспощадно и безжалостно истреблявшего своих противников».

Александр Македонский действительно является главным отрицательным персонажем данной повести. Показаны все недостатки его характера — гордость, высокомерие, жестокость. Автор отказал Александру даже в смелости (в единственном сражении полководец проявил себя самым худшим образом).

Василий Ян уже в начале своего произведения дает описание образа Александра: «На знакомом мужественном лице с прямой линией лба и носа и женственным ртом, изогнутым, как лук Эроса, появились резкие, суровые морщины. На него смотрели неподвижные стеклянные глаза, холодные и непроницаемые. Этот человек может так же спокойно приласкать, как и раздавить меня», — подумал Никомандр. Глубокая пропасть легла между прежним веселым, стремительным юношей, которого во время уроков он бил по плечам концом тупого меча, и этим самоуверенным, равнодушным человеком, прошедшим полмира, оставляя за собой бесчисленные развалины и реки слез и горя».

Этот автор показывает Македонского очень жестким, гневным и безжалостным, который стремится завоевать весь мир, стать властителем всей земли. Вот, как Василий Ян пишет о характере Александра: «— Моя родина там, где стоит моя нога и где мое войско! — гневно прервал Александр, и на его губах показалась пена. Его красивое лицо искривилось от гнева, и крупные белые зубы хищно оскалились. — Не забывай, что я уже

не царь маленькой Македонии, как был мой отец, но повелитель всей Азии. По моей воле весь мир будет поворачиваться, как колесо вокруг оси, где стою я, и поворачиваться в ту сторону, в которую я захочу. Если двадцать тысяч македонцев не захотят мне повиноваться, то я раздавлю их копытами бесчисленных полчищ Азии, которые бросятся на них по одному моему слову...».

Писатель очень четко показывает Македонского надменным и холодным властелином, который считает себя выше всех простых смертных, который называет себя Богом. Василий Ян пишет: «Басилевса сразу не узнали. Он шел вместе с Гефестионом, но на нем не было обычного греческого хитона и гиматия. Древняя персидская царская одежда, пурпурная, затканная парчовыми цветами и изображениями колеса с крыльями, и золотой кованый пояс обвивали его мускулистое тело.

Все персидские сановники и князья упали ниц, касаясь лбом ковра. Македонские начальники стояли вытянувшись, сохраняя военную выправку. Угрюмое, бледное лицо басилевса со сдвинутыми бровями оживилось, когда приветственные крики усилились и знатнейшие князья Персии, подползая на коленях и целуя его позолоченные сандалии, загородили дорогу.

Александр перешагнул через лежавшего старика Артабазана, знаменитого своей пятидесятилетней службой нескольким царям Персии, и легкими шагами взбежал на верхнюю террасу». Также в произведении описываются преклонения перед Александром его подданный и рабов, их смирение. Македонский для них Великий царь, перед которым меркнет все вокруг. В его честь звучат песни воспевания, подаются самые лучшие блюда. Александр жаждет вечной славы и преданной любви к себе.

Очень примечательно в произведении этого автора описание внешности Македонского. Василий Ян пишет: «Сидевший был молод, с бритым лицом и ростом пониже других. Длинные рыжеватые волосы падали почти до плеч, и среди них никаких следов рогов не было. Один глаз был светлее

другого и слегка косил. Надменным, холодным взглядом обвел он сидевших скифов и несколько задержался на старом Тамире, который вглядывался подслеповатыми хитрыми глазками. Царь был одет в длинную, ниже колен, персидскую оранжевую рубаху, расшитую золотыми цветами. На кожаном поясе – золотая пряжка со знаком персидских царей: колесо среди распростертых соколиных крыльев. На ногах широкие красные шаровары, заправленные в персидские сафьяновые сапоги».

Такое видение образа Александра дает понять, что этот властитель чувствует себя великим царем, перед которым все должны только преклоняться и повиноваться ему. Автор пытается доказать иную сторону характера и вообще образа Македонского, в каждом предложении писатель хочет подчеркнуть величие и холодный нрав Александра.

Его ожесточенную борьбу за право считаться великим и непобедимым. Кажется, что этот полководец находится в постоянной напряженности и готовности к захвату новых земель. Александр с неистовой силой желает, чтобы весь мир был у его ног, как его рабы и подданные.

Василий Ян называет Александра в своем произведении «**Двурогий**». Автор пишет: «Бойтесь **Двурогого**, но не потому, что его воины сильнее наших богатырей, а потому, что он сам нападает, сам ищет чужого горла, чтобы его перерезать. Ему помогает не его сила, а трусость тех, кого он гонит». В своем произведении этот автор очень зловеще высказывается об Александре. Вот, какие слухи ходят о Македонском: «Он не похож на обыкновенных людей. У него из глаз вылетают молнии и убивают все кругом. Он в два раза выше обыкновенного воина, и на голове его растут рога, завитые, как у горного барана. Когда он говорит, то люди падают на землю, как от грома.

Он сын злого бога Аримана и священной змеи Ангро-Майнью. Бог Ариман даровал ему силу и злой разум, а змея наградила его хитростью, так что все народы бегут от его войска, как овцы от пожара, когда загора-

ется высохшая степь...»Василий Ян продолжает описывать различные пороки Александра Македонского. В его произведении имеется достаточно много указаний на то, что Александр ничего не создавал, а только разру-

шал. Автор гневно восклицает: « Отец Александра, царь македонский Филипп, был выше Александра, ибо это он создал сильную армию, объединил Македонию и Грецию, установил новые формы военного строя и этим подготовил и предопределил успех похода Александра на Восток.

Не Александру, а его непобедимой армии, его боевым товарищам грекам и македонцам, прошедшим полмира, принадлежит слава великих побед и завоевания Азии. Как государственный деятель, Александр ничего не создал, всюду нес только одно разрушение – он сжег Персеполь, разрушил старые культуры Тира и Сидона, уничтожил десятки городов, величайшие ценности науки и культуры побежденных народов. Его «союз Европы и Азии» – это союз победителя и побежденного, раба и господина, союз, основанный на силе победителя и потому обреченный на разрушение вместе с его смертью.

Своей жестокостью Александр сравнился с худшими тиранами. Любя на словах греков, он продал в рабство тридцать тысяч доблестных филиппидов и распял защитников Тира за то, что они защищали свою родину; он, всем обязанный эллинской культуре, должен был поднять ее еще выше, но вместо этого сам, не будучи эллином (здесь Александра передернуло). Он стал изгонять греков и все греческое из своего войска, окружив себя раболепной побежденной персидской знатью и назначая персов на государственные должности; наконец, он надел персидские штаны и атласные туфли и потребовал, чтобы его боевые товарищи целовали ему ноги, как богу! Разве Ахиллес и другие герои древних греков из столь почитаемой им «Илиады» требовали этого? Разве они допустили бы такое падение образа героя?».

Василий Ян не старается возвысить Македонского, он наоборот хо-

чет показать его не героем и доблестным воином, эгоистичным самодуром, который пресытился своим тронem и властью. Этот автор представляет образ Александра – тирана, который все губит и разрушает. Пресмыкания перед Македонским только усиливались, все говорили речи, наперебой восхваляя Александра как единственного сына бога, мудрейшего из мудрых. Никто не смел возразить что – либо против своего царя. Автор также отмечает различные мелкие детали, связанные с характером Великого Царя.

Василий Ян очень часто рисует облик о поведение Македонского в гневе: «Голос Александра сделался хриплым, и левое плечо стало подергиваться». Для любого читателя уже становится ясно, что царь находится в ужасной ярости, когда ему не подчиняются, или не считают его мнение правильным. У Василия Яна также упоминается о покорении согдийской скалы, о красавице Ровшанак. Вот, что пишет этот автор: « Возле Александра расположилась на лежанке, покрытой ценным финикийским малиновым, расшитым золотыми звездочками покрывалом, молодая царица Азии Рокшанек – ее базилевс переименовал в Роксану.

Она смотрела удивленными, расширенными глазами на базилевса, на его мускулистых, неуклюжих македонских товарищей, и на лице ее вспыхивал страх, когда громадный кубок Геракла обходил пирующих, и каждый залпом осушал его. Александр мало обращал внимания на нее. Она послужила ему забавой только несколько дней, а затем он занялся планами новых походов».

Говорится также о свадьбе Александра с прекрасной царицей: «Свадьба Александра с Роксаной состоялась в Мараканде. Осуществив этим браком воплощение своей идеи «союза Европы и Азии», Александр на празднествах и пиршествах, следовавших одно за другим, теперь занимал трон, где обычно сидел Дарий, и ему, как Дарию, персидские сановники целовали ногу».

Здесь, конечно же, имеются расхождения с произведением А. Устименко, который очень красочно описал женитьбу Македонского на прекрасной Ровшанак. У Василия Яна и в этом случае Александр слишком резок и груб со своей царицей, она для него лишь забава, он ее уже покорил, и ему стало не интересно продолжать с ней какие – либо разговоры и отношения. В этом произведении уделяется больше внимание именно тому, как Александр обращается с подчиненными, со своими врагами, как весь народ лежит у его ног в прямом смысле этого слова.

Идет описание того, как Македонский обходится со своими врагами. Он обычно любил награждать их, одевать в шелковые одежды, бросать таланты золотых монет. Он всегда щедро награждал своих врагов, если они ему покоряются. Но дерзких, он жестоко наказывал.

Василий Ян пишет, что Македонский был очень суеверным, несмотря на свое бесстрашие и силу. Он даже занимался гаданиями: « Несколько дней Александр занимался гаданиями. Его придворный главный жрец давал неясные, неопределенные предсказания.

Александр пошел в храм дрангианских жрецов-огнепоклонников. Они нарисовали священными мелками на полу круги, разделили каждый на двенадцать отрезков и крутились, как волчки, пока не падали в судорогах, с пеной на губах. Они кричали:– Ты будешь бессмертен! О тебе написано в книгах Авесты! Ты пойдешь по всем землям и даже победишь подземных крылатых драконов, которые пожирают людей».

Автор указывает и на то, что у Александра был свой любимый жеребец, любимый конь Буцефал: « Он сидел на своем старом, по-прежнему буйном вороном жеребце Буцефале, служившем исключительно для торжественных выездов.

Жеребец, возбужденный множеством окружающих его коней, звонко ржал, бил передней ногой, грыз удила и натягивал широкий красный повод, сдерживаемый мускулистой рукой всадника». Таким образом, следует

отметить, что Василий Ян в своем произведении достаточно гневно и жестко описывает образ Александра. Автор показывает, что этот полководец несмотря ни на что ищет вечной славы и всеобщего преклонения перед со-

бой. Александр считает себя Богом и властителем всего мира. Он готов идти на все ради своей навязчивой идеи и цели. У этого писателя Александр является тираном и безжалостным царем, который не останавливается не перед чем. Македонский заставляет всех подчиняться, вставать на колени и поклоняться, как Великому Божеству.

Однако автор не принижает всех достоинств этого великого правителя и творца, он также подчеркивает его хитрость и остроумие во всем, его особую стратегию, умение подчинять себе народ, смелые поступки и тд.

Александр Македонский, с одной стороны безжалостный и жестокий царь – тиран, а с другой – мудрый и честный правитель, который использует в своей тактике кнут и пряник.

Заключение

В заключении проведенного исследования можно сделать выводы, что Александр Македонский привлекал и будет привлекать к себе внимание уже многих поколений историков древности. В стихах, притчах и легендах Средней Азии всегда сохранялась память о великом правителе Александре-Искандере, к имени которого добавляли прозвище «Двурогий» - «зулкарнайн».

Александр наполнил собой всю вторую половину своего столетия, всю эллинистическую эпоху. Риму с его проконсулами и императорами оставалось лишь следовать его примеру. Завороженные этим образцом, они отправились на завоевание обитаемого мира – вплоть до того момента, когда их германские и романские наследники переправились уже и через Реку Океан.

Александр никогда окончательно не уходил из жизни, ибо он никогда не переставал вдохновлять глав западных государств, в том числе трех Александров – российских самодержцев, поскольку он никогда не переставал быть любимым поэтами и сказителями.

В настоящее время не только специалистов, но и большое количество писателей, поэтов, художников привлекает все, что связано с личностью Александра, его деятельностью. Не последнее место занимает история женитьбы великого греко-македонского полководца на местной красавице Роксане, романтическая и трагическая история их яркой и такой короткой любви.

Кроме пылкого увлечения брак с Роксаной был продуманным политическим шагом Александра, ведь он стремился к объединению всех народов. Цель настоящей работы в том, чтобы выявить сходства и различия многих взглядов древних и современных авторов на известную личность

завоевателя, их подход и мировоззрение. Задачи решены в полной мере.

По первой главе: « Генеалогия образа Александра Македонского в мировой литературе» можно сделать следующие выводы:

- У Фирдоуси Искандер это мудрый философ, который все делает во благо своего народа. Искандер действует полностью в интересах Ирана, более того, он не предпринимает никаких мер против зороастризма и выступает положительным героем.
- Образ Искандера у Амира Хосрова резко снизился. В сущности, говоря, его Искандер не так уж далек от более или менее талантливого феодального властителя XIII в. и не может считаться далеким и недостижимым идеалом, каким, несомненно, всегда должен был казаться.
- Низами, прежде всего, уничтожает представление об Искандере как о завоевателе, гонимом алчностью. Он воюет или для защиты своей страны, или с целью освободить угнетенных, взывающих о помощи, т. е. ведет только справедливые войны.
- У Табари отмечается, что род Искандера восходит к пророку Ибрахиму. Он разрушил их города, замки и капища огня. Зороастрийское духовенство было предано казни, священные книги сожжены, погибла в огне и вся канцелярия иранских царей.
- Если говорить о таком замечательном поэте, как Навои, то у него выступает как: Искандер - деятель, Искандер - мудрец, но сплести эти две линии вместе так, чтобы речи Искандера каждый раз вытекали соответственно из его дел. Навои хочет сказать, что как у философа, так и у самого Искандера имеется много мудрых изречений и притч.

Каждый писатель по – своему прочувствовал и выразил в своих творениях образ Искандера, кто – то увидел в нем мудрого мыслителя, кто – то непобедимого война, а иные увидели в нем настоящего тирана. Этот образ не остается незамеченным ни одним автором, Все эти творческие искания и попытки многочисленных писателей всего мира достойны уважения и прочтения.

Таким образом, из выше сказанного следует, что Александр Македонский был гениальным человеком и великим полководцем за всю историю человечества. За свою короткую жизнь он достиг больших успехов и огромной славы. Память о нём чудесным образом сохраняется в мире уже двадцать три века. В военном деле он был великий стратег и проявлял необычайную гибкость в умении приспособить свою тактику к тем новым формам ведения войны, которые противопоставлял ему противник. Вышеперечисленные авторы описывали его образ исходя из своей точки зрения, кто о нем отзывался очень положительно, кто – то отрицательно, у всех писателей был свой взгляд на эту личность. Каждое произведение достойно глубокого исследования и изучения.

Список использованной литературы

I. Общественно-политическая литература

1. Каримов И.А. Высокая моральная духовность – непобедимая сила. – Т.: Узбекистан, 2010.
2. Каримов И.А. Узбекистан на пороге достижения независимости. – Т.: Узбекистан, 2011.
3. Выступление Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова на открытии Международной конференции «Историческое наследие ученых и мыслителей Средневекового Востока, его роль и значение для современной цивилизации» от 16. 05. 2014 (гор. Самарканд)

II. Художественная литература

4. Арриан. Поход Александра. - М.: МИФ, 1993. – 386 с.
5. Бриан П. Александр Великий. Из Греции на Восток. – М., 2003. – 176 с.
6. Бриан Пьер. Александр Великий. - М. :Астрель: АСТ, 2007. – 156 с.
7. Викандр. Меч Александра Македонского. – Д., 1989. – 108 с.
8. Грин Питер. Александр Македонский. Царь четырех сторон света. – М.: Центрполиграф, 2003. – 222 с.
9. Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И. Александр Македонский и Восток. – М., 1980. – 456 с.
10. Грэхем Ф. Александр Македонский. – С., 2010. – 480 с.
11. Дрюон М. Александр Великий или Книга о Боге. – П., 1993. – 365 с.

- 12.Ильясов Я. Согдиана. – Т., 2009. – 135 с.
- 13.Навои А. Пятерица. – Т., 1986. – 445 с.
- 14.Манфреди В. Александр Македонский. – М., 2005. – 1225 с.
- 15.Поль Фор. Александр Македонский. – М., 2006. – 448 с.
- 16.Панин Н.Ф. Александр Македонский. - М., 2000. – 312 с.
- 17.Рено. М. Небесноепламя (FireFromHeaven). - В., 2000. – 505 с.
- 18.Рено. М. Погребальные игры (FuneralGames). - В., 2009. – 416 с.
- 19.Руф К. История Александра Македонского. – М., 1993. – 464 с.
- 20.Фирдоуси Х. Шах – наме. М.: Худ. лит., 1972. – 799 с.
- 21.Фишер - Фабиан С. Александр Великий. Мечта о братстве народов. – Смоленск: Русич, 1998. – 426 с.
- 22.Форкони Д. Александр Македонский. Завоеватель мира. – Ниола – пресс, 2008. – 128 с.
- 23.Фуллер Дж. Военное искусство Александра Великого. – М.: Центрполиграф, 2003. – 350 с.
- 24.Шахермайер Ф. Александр Македонский. – М.: Наука, 1984. – 384 с.
- 25.Шифман И.Ш. Александр Македонский. – Л., 1988. – 208 с.
- 26.Ян В. Огни на курганах. – М., 2008. – 448 с.

III. Научно-критическая литература

- 27.Боуз П. Стратегическое искусство Александра Македонского. - М.: Олимп Бизнес, 2005. – 273 с.
- 28.Ботвинник М.Н. Жизнеописания знаменитых греков и римлян. - М., 1988. – 166 с.
- 29.Бертельс Е.Э. Роман об Александре. – М., 1948. – 190 с.
- 30.Гафуров Б. Александр Македонский. Путь к империи. – М. : Вече, 2007. – 480 с.
- 31.Дройзен Иоганн. История эллинизма. – М., 2011. – 623 с.

32. Догерти П. Александр Великий. Смерть бога. – М. : АСТ, 2005. – 345 с.
33. Елисеев М. Великий Александр Македонский. Бремя власти. – М. : Эксмо, 2012 – 480 с.
34. Косолобова Е.В. Александр Великий в легендах и исследованиях Востока и Запада. - М., 2000. – 384 с.
35. Ковалёв С.И. Александр Македонский. – Л., 1937. – 116 с.
36. Конев А. Александр Македонский. - М., 2001. – 192 с.
37. Костюхин Е.А. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. – М., 1972. – 190 с.
38. Клерк Л. Уроки мудрости Александра Македонского. – Ростов н/д: Феникс, 2005. – 176 с.
39. Лубченков Ю.Н. Судьбы империй, или жизнеописание Александра, царя Македонии и мира. – М., 1993. – 60 с.
40. Левицкий Г. Александр Македонский. Гениальный каприз судьбы. - М.: Феникс, НЦ ЭНАС, 2010. – 320 с. Л.П. Греки и Александр Македонский. – М., 1993. – 287с.
41. Маршалл Э. Александр Македонский. Победитель. – М.: Армада, 1997. – 524 с.
42. Новгородов Н. Сибирский поход Македонского. - М.: ООО «Аграф - пресс», 2006. – 116 с.
43. Орлов Е. Александр Македонский и Юлий Цезарь. Жизнь и военная деятельность. – СПб: Общественная польза, 1898 – 96 с.
44. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. – М., 1987. – 559 с.
45. Поль Фор. Повседневная жизнь армии Александра Македонского. - М.: "Молодая гвардия", "Палимпсест", 2008. – 368 с.
46. Повесть о рождении и победах Александра Великого. – СПб: Азбука-классика, 2006. – 256 с.
47. Стефани С. Александр Македонский. – Изд - во.: Белфакс, 1997. – 80 с.
48. Устименко А. Сказание о Рохшанак. / Афлатуни С. Александр и Ровшанак // МШП - 5, 2004. – 34-52 с.

49.Шофман А.С. Распад империи Александра Македонского. - К., 1984. – 224 с.

IV. Интернет сайты

50.<http://www.calend.ru/person/715/> Александр Македонский.

51.<http://topwar.ru/12794-velikie-polkovodcy-aleksandr-makedonskiy.html> Великий полководец Александр Македонский.

52.<http://vivil.ru/alexander/alexan.php> Александр Македонский. Жизнеописание.

Содержание

Введение	3-8
Глава I. Генеалогия образа Александра Македонского в мировой литературе	9-47
1.1 Личность Александра в истории народов мира.....	9-19
1.2 Образ Александра в египетской, арабской и тюркской литературах.....	20-47
Глава II. «Эволюция образа Искандера в русской литературе»	48-65
2.1 Своеобразие образа Искандера в творчестве А. Устименко и С. Афлатуни.....	48-57
2.2 Поэтика образа Александра в произведении В. Яна «Огни на курганах».....	58-65
Заключение	66-68
Список использованной литературы	69-72